

Столетие Февральской революции и задача политической модернизации в XXI веке

Материалы панельной дискуссии. 14 марта 2017 года

УДК 323.272(47+57)<1917.02>(082)

ББК 63.3(2)535я43

С81

Столетие Февральской революции и задача политической модернизации в XXI веке. Материалы панельной дискуссии стола. / Под ред. Г.М. Михалевой. М.: РОДП «ЯБЛОКО», 2017 г. – 56 стр., цв. обл.
ISBN 978-5-4399-0052-7

В брошюре «Столетие Февральской революции и задача политической модернизации в XXI веке» опубликованы выступления известных российских историков и руководителей партии «Яблоко», посвященные оценке причин и хода событий февраля 1917 года, а также – их значимости для современного развития страны.

ISBN 978-5-4399-0052-7

9 785439 900527

© Партия «ЯБЛОКО»

Предисловие

В год столетия Февральской революции, Октябрьского переворота, 80-летия начала Большого террора особенно актуально выглядит задача осмысления российской истории, преодоления тоталитарного прошлого как условия модернизации России.

Одной из программных задач партии является сохранение культурной и исторической памяти. Государственная политика направлена сейчас на целенаправленное вытеснение из общественной памяти государственных преступлений последнего века, направленных против населения России и других стран, их сознательное замалчивание и отрицание. В результате беспамятства и неуважения к страданиям нашего народа создаются условия для повторения подобных преступлений в настоящем и будущем.

Партия Путина, коммунисты, националистические и профашистские силы прямо заинтересованы в том, чтобы дискуссий на эти темы не было. Они называют уважение к истории, сочувствие к народу и память о принесенных им жертвах «очернением». Понятно, почему это так: все они пользуются в своей повседневной политике опытом советско-сталинской системы, возрождают ее с учетом сегодняшних реалий, практически открыто желают быть ее наследниками, последователями и охранителями.

Мы убеждены, что полный и абсолютный отказ от сохранения советско-сталинской системы отношения к человеку дает России будущее. Нынешняя архаичная система управления не в состоянии адекватно оценивать новые проблемы и реагировать на них.

Честное отношение к этой проблеме жизненно важно для всех, кому небезразлична судьба России. Именно через культуру памяти можно не только избегать повторения прошлых ошибок, но и взрослеть как общество, ответственно строить свою жизнь, учиться контролировать государство и сберечь мощь народа, формировать современную политическую культуру. Важнейший вывод прошедших 25 лет: слабость систематической борьбы общества, политиков, каждого из нас с методами и подходами сталинизма и больше-

визма в нашем государстве привело к сегодняшним проблемам, трагедиям и тупику развития.

Именно поэтому партия проводит систематическую просветительскую работу в разных форматах совместно с Обществом «Мемориал», Сахаровским центром, профессиональными историками в разных регионах: совместные лектории, выставки, акции в память репрессированных и борцов с большевизмом, выпуск книг, посвященных осмыслению истории.

Оценка исторических событий – важнейшая тема в решениях Федерального политического комитета, Бюро, Федерального совета и съездов партии.

Предлагаемая вниманию читателя брошюра – в этом ряду. Она составлена на основе открывавшей серию мероприятий, посвященной юбилейным датам, дискуссии «Столетие Февральской революции и задача политической модернизации в XXI веке», которая прошла 14 марта в офисе «ЯБЛОКА». В ходе разговора крупнейшие специалисты по российской истории попытались обозначить причины случившегося век назад, обсудили тему репродукции событий, произошедших в 1917 году, в современной политической ситуации и подняли тему необходимости оценки этих событий на государственном уровне.

Брошюра предназначена всем, кому не безразлично прошлое и будущее нашим страны.

В подготовке издания принимали участие сотрудники аппарата партии Маргарита Межова, Анна Мерцалова, Константин Гаврилов. Редактор издания – председатель Гендерной фракции партии Галина Михалева.

Слабунова Эмилия Эдгардовна,

кандидат педагогических наук, председатель партии «Яблоко»

Мы открываем панельную дискуссию «Столетие Февральской революции и задача политической модернизации в 21 веке».

В нашем зале, помимо наших замечательных гостей: известнейших историков, людей, которые представляют собой гордость российской исторической науки, присутствуют члены партии, специалисты, предприниматели, студенты, аспиранты, магистранты, учителя школ. Аудитория, которая крайне заинтересована в том, чтобы найти те ответы на вопросы, которые ставит история, сегодняшний день, и ситуация в нашей стране.

100 лет назад в истории нашей страны произошли события, которые очень серьёзно повлияли на её судьбу, на судьбу каждой семьи, каждого человека. Рухнуло самодержавие, в газетах того времени слов сожаления практически не было, как и в телеграммах, которые шли из регионов в Петроград, слова о поддержке Временному правительству, Государственной Думе, Совету. Даже как показывают архивы - гимназистки в телеграммах писали: «Благодарим, за великое дело спасения России. Глубоко верим, что на обломках старого произвола возникнет великое и светлое будущее. Верим и все силы употребим на создание новой свободной России».

Три дня назад известный в нашей стране политолог, президент фонда Петербургская Политика, Михаил Виноградов, назвал топ-10 политических событий прошедшей недели: незаметность столетия Февральской революции. Вроде бы столетие Февральской революции - это событие истории, но оно попадает в топ политических событий именно в такой формулировке. Наверное, такая же участь будет и у Октябрьской революции с поправкой на активность коммунистов. Тем более - у 80-летия Большого Террора и разгона Учредительного Собрания. О какой незаметности в данном случае идёт речь, мы прекрасно понимаем. В первую очередь речь идёт об оценке на государственно-политическом уровне. Сложившийся политический режим не желает, не может и, наверное, никогда и не сможет дать честную и целостную оценку тому, что произошло 100 лет назад в 1917 году, и каковы эти последствия для судьбы нашей страны. Безусловно, этому есть причина, которая отмечена в решении Политического комитета нашей партии: органическая связь этого режима с советско-большевистской системой. Партия ЯБЛОКО как политическая сила, которая отстаивает последовательно, на протяжении всей своей

истории, демократию и свободу, не может, конечно, с этим ни согласиться, ни тем более мириться. Мы считаем, что отказ от честной оценки событий 1917 года и их последствий – это и есть предательство интересов страны, будущего нашего народа. Потому что известно, что тот, кто не может сделать урок из истории, должен пережить её снова. Мы позволить этого не можем. Конечно, партия – это не научная организация. Партия – это политический институт, поэтому именно таким образом и сформулированы вопросы для сегодняшнего обсуждения:

1. Почему нынешняя власть боится говорить о событиях 1917-1918 гг.?

2. Легитимность власти и возможности политической модернизации в 1917-м и в настоящее время.

3. Февральские параллели: уроки событий 1917 г. и их значение для сегодняшнего дня:

– специфика политической элиты, сформировавшейся в условиях самодержавия и ее влияние на ход событий 1917 г.;

– общество накануне революции: от эйфории к «уходу»;

– разрыв между политическими элитами и массами, проблема политического лидерства;

– причины срыва политической модернизации и поворота к национальной катастрофе.

4. Необходимость внятной государственно-правовой и общественно-политической оценки событий 1917 года и их последствий.

5. Перспективы России и Учредительное собрание: восстановление легитимности и исторической преемственности.

Пивоваров Юрий Сергеевич,

доктор политических наук, академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН

По поводу незаметности революции: я недавно в Питере был в телепрограмме. Каждую неделю они что-то рассказывают про Петроград, и вся эта программа называется «Октябрь 1917 года». Я спросил, почему октябрь, а не февраль. Ответили : начальство так сказало.

По поводу власти: мне кажется, просто власть это не интересует.

Однажды меня позвали в администрацию президента. Я был там с директорами академических институтов, и тогдашний руководитель администрации сказал: «Нас революции и коллективизации не интересуют, нас война интересует. Этого мы никогда не отдадим». Так он давал наставление историкам. Однако, какие-то высказывания и Путина, и Медведева относительно революции и последующего террора всё-таки есть, это факт. Но власти нечего сказать. Если они скажут «да» – это будет означать, что Октябрьская револю-

ция была хорошей. Про Февральскую ясно, что это масоны приготовили – это точно совершенно, там такая точка зрения. Джордж Бьюкенен, посол Великобритании, особенно старался, да и французы тоже. Когда им говоришь, что это были союзники – они не соглашаются. Если они скажут «да», тогда они подпишутся под террором. Но они такое не скажут. Если же они скажут «нет» – то какие тогда они правопреемники СССР? Тогда надо отказываться от правопреемства СССР, а это очень серьёзная вещь.

С другой стороны, недавно была статья моего однокурсника, Анатолия Торкунова, ректора МГИМО, в Независимой Газете. Там говорится: «Давайте жить мирно, давайте не будем ссориться: красные – плохие, белые – хорошие, или наоборот». Так же сделан и историко-культурный стандарт, который лёг в основу серии единых учебников, там все хорошие: и Александр Колчак, и Михаил Фрунзе. Все хорошие в принципе. Там из плохих персонажей только Михаил Горбачёв и Борис Ельцин. А вот остальные вообще за 1000 лет – всё было в порядке. Поэтому они ничего не скажут про революцию никогда. Ждать не надо, это вообще на самом деле не смешно, это главное событие русской истории.

Василий Ключевский говорил, что главное событие российской истории – это отмена крепостного права, но он шесть лет не дожил до победоносной Февральской и Октябрьской революции. Потому, что эти революции в широком смысле слова, всё это, оказало страшное влияние не только на русскую, но и в целом на мировую историю.

Однажды Жак Ширак, один из президентов Франции, сказал, что Французское государство родилось не во времена Жанны д'Арк, а в ходе революции. А Ширак – католик, голлист, традиционалист, совсем не левый. Тем не менее, он, вместе с политическим классом Франции признал, что современное французское государство – не французская культура, не французская история, родились в конце XVIII века. Будучи настроенным абсолютно антибольшевистски и антикоммунистически, я не сомневаюсь, что современное Российское государство родилось в ходе революции 1917 года. Мы, увы, являемся являемся его наследниками. Советское – не по форме правления, а по духу, оно, безусловно, стало гораздо более опасным. Но февраль – это ещё проблема для людей либеральных воззрений. Потому что разбило голову себе лучшее либеральное поколение России, как среди интеллигенции, так и бюрократия, и буржуазия, и прочее. Это были самые подготовленные к управлению страной люди за всю историю. Причем как со стороны аристократии, так и со стороны общественных деятелей. Тем не менее, не справились. Я думаю, что эту родовую травму русский либерализм ещё не пережил. А что касается отношений Февраль – Октябрь, не только нынешние два крупнейших эксперта по этой революции: Лев Троцкий

и Александр Солженицын, абсолютно противоположные люди, утверждали, что Октябрь – волне законное продолжение Февраля. Что уже в Феврале коренился Октябрь.

Эмилия Слабунова:

Предоставляю слово Леониду Михайловичу Млечину, который в одной из своих лекций сказал: «Я не учёный, я не историк...». Но мы, конечно, не верим, потому что досконально занимается историей очень ответственно и очень внимательно, а мы сегодня говорим не только об общественно-политической оценке. Поэтому очень важно услышать мнение, не только тех, кто профессионально занимается исторической наукой, а и по своему гражданскому порыву души, гражданскому призванию.

Млечин Леонид Михайлович,

писатель, журналист и телеведущий

Честное слово, не соврал, что я не историк. Я вообще испытываю некоторое неудобство, сидя за этим столом с выдающимися историками. Сажу за счёт личной симпатии Григория Алексеевича, которому передаю ещё большую симпатию. Мне так казалось, что столетие Великой русской революции открывает нам невероятную возможность понять, что тогда происходило. Ведь самый пристальный взгляд показывает, что там не было самодержавия, хотя это слово здесь автоматически прозвучало. Была конституционная монархия, это было куда более правовое государство, чем все структуры, которые существовали на нашей территории с 1917 года. Там не было телефонного права, не потому что телефонная сеть ещё не так развилась, а потому что в головы не приходило. Хозяин страны своего злейшего врага – Александра Гучкова освобождают поскорее из-под стражи, чтобы он мог принять на себя функцию главы третьей Государственной Думы. Хотя сегодняшние историки, описывая это в монографиях, изумляются: «Вот она, слабость власти».

Сегодняшнему человеку представить себе, что глава государства действует по закону, и что высшие государственные интересы для него важнее мелкой политической вражды – просто невыносимы. Это свидетельство того, что правильно Юрий Сергеевич Пивоваров сказал. Конечно, мы на самом деле никак не связаны с той Россией, которая существовала до 1917 года. Россией, которая стремительно развивалась. С Россией, у которой открывалось невероятное будущее. Ведь есть же экономические модели, посчитанные нашими экономистами, в которой даже наихудшие варианты рисовали абсолютно процветающее государство. Тот успех, который был достигнут в последние пятьдесят лет перед Первой мировой войной, свидетельствует об этом. Это было нормальное

государство, развивающееся, с огромными проблемами как у всякой нормальной жизни всякого нормального человека. Конечно, мы совершенно не продолжатели этого. То, что произошло после 1917 года, по существу, представляет собой чудовищную операцию над народным телом, духом, нравственностью и моралью. Причем, есть некоторые повреждения, несовместимые с жизнью, которые не восстанавливаются. Конечно, многие из нас примерно четверть века назад питали определённые иллюзии, что отказ от советской модели вернёт нас к какому-то нормальному развитию. Мы больше уповали на политические или экономические перемены и не придавали никакого значения тому, что умные люди называют ментальностью. Это – представления человека о жизни, о себе, об окружающем мире. Это то, что формируется в семье, в первые годы жизни: родителями, СМИ, тем, что человек слышит во дворе. И, тем не менее, воспитание советской ментальности не прекращалось ни на минуту. Оно продолжается и по сей день, поэтому мы внутренне отторгаем ту Россию, которая существовала. Мы не хотим знать: существует ли спрос на новые знания, а спрос на подтверждение тех знаний, которые соответствует установленным в голове схемам, и мы хотим слышать только это.

Если кто-то из начальства даст определение того, что происходило в 1917 году, то лучше бы и не давали. Потому что это – не дело чиновников оценивать историю, для этого существует историческое сообщество и выдающиеся историки, которые справятся. Дело в том, что мы, как общество, не хотим знать, какой была Россия. Мы не хотим разбираться в той невероятной сложности, в которой разворачивались события 1917 года. Я несколько лет провёл в беседах с выдающимися историками, часть которых сидит за этим столом, спрашивая, как это произошло. Но самый честный ответ, который я получал на вопрос «Вы точно можете сказать, что происходило в 1917 году?» был: – «нет». И это искренний ответ человека, занимающий пост директора академического института и посвятившего жизнь изучению отечественной истории. Мы огорчены тем, что происходило в последние десятилетия, воспринимая это как историческую неудачу. А самое печальное состоит в том, что ориентиры и надежды мы ищем не в будущем, а в придуманном прошедшем. Мы сейчас – свидетели работы фабрики по производству приятного прошлого, наркотической истории. Фабрика производит нам это прошлое, оно нас устраивает. А обращаться к тому реальному прошлому, которое существовало, мы не хотим, потому что это требует от нас:

а) напряжённой работы, б) размышлений, в) осознания тяжёлых разочарований, которые связаны с историей наших семей, г) формирование подхода: что же нужно сделать, чтобы будущее изменилось. И последнее мы, как общество, уж точно делать не собираемся.

Соколов Никита Павлович,

кандидат исторических наук, заместитель директора «Ельцин-Центра» по научной работе, председатель совета Вольного исторического общества

По первому пункту я хотел обратить внимание на то, что февральская революция неудобна любой авторитарной власти как воспоминание. Мы ведь замечаем, что её всячески задвигали в тень с самого 1929 года, когда начинает разрабатываться новый курс стандартного авторитарного режима и стандартной памяти. Тут Февральская революция оказывается в конце некоторой главы, затем октябрь и всё – она исчезает. Любой авторитарной власти неудобна Февральская революция. Тут я не соглашусь с Леонидом Михайловичем Млечиным, потому что некоторые вещи про Февральскую революцию мы всё-таки твёрдо знаем. Знать всего невозможно, всё знает один Господь Бог, но некоторые вещи про Февральскую революцию мы знаем точно. Мы точно знаем, что она не была цветной революцией, в том смысле, в котором употребляет это словосочетание Глеб Павловский. Никакая политическая сила не готовила, не инспирировала и не направляла ход событий. Всё случившееся было полной неожиданностью для всех заговорщиков, конспираторов, революционеров, произошло совершенно помимо их воли. Это было абсолютно самонастраивающееся действие самостоятельно действующего народа. Память о том, что это было успешное действие, завершившееся победой ни для какого авторитарного режима не может быть приятной. Большинство из присутствующих за нашим столом наверняка помнят на своём опыте советские учебники, где всякое народное движение терпело крах, потому что не было субъективного фактора: его не направляла политическая партия соответствующей стати. А тут вдруг февраль победил безо всякой вашей партии, народ разобрался сам с собой. Это чрезвычайно неудобно для авторитарной системы. В этом и кроется глубинная причина неудобства Февраля как воспоминания для авторитарных режимов.

Мы сравнительно хорошо знаем Февральскую революцию. Всё-таки это эпоха, о которой у нас много источников. Причём, источников самого разного рода, исходящих из разных общественных лагерей, освещающих события в разных аспектах. Для меня важно подчеркнуть, что этот невероятно полный комплекс источников, безусловно, является доказательством альтернативности исторического процесса. Не существует никакой колеи, матрицы, из которой не может страна и народ выскочить. Люди делают свою историю сами. Как они захотят, так они и сделают. В событиях, начиная с конца января и, скажем, до конца марта, очевидно, что существовало очень много развилок, когда события могли принять другой оборот, включая смешные и личные решения, которые могут показаться совсем не важными. Замена одного градоначальника на другого – и

это обстоятельство могло иметь значение. Назначение Сергея Хабалова командующим Петроградским военным округом – человека совершенно для этого непригодного. Все эти вещи, включая совсем уже смешную развилку, когда государь вдруг уезжает в Царское село из ставки, где он находится под надёжной защитой, и может хоть как-то влиять на ход событий, и оказывается в поезде на 40 часов без связи, где он ничего направлять не может.

Авторитарным режимам удобно думать, что есть некоторая закономерность в ходе исторического процесса, а сами авторитарные режимы и есть вершина исторического процесса, их окончательное торжество и завершение истории.

Февральская революция есть явное, прямое, наглядное, очень хорошо документированное опровержение этих стереотипов – поэтому никакой авторитарной власти память о ней не нужна.

Эмилия Слабунова:

Ольга Юрьевна Малинова очень много занималась вопросами истории и политики памяти. У меня даже здесь на столе замечательная книга «Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности».

Малинова Ольга Юрьевна,

доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ

Я хотела бы коснуться некоторых моментов, которые уже сегодня прозвучали в дискуссии. Во-первых, я хотела бы соотноситься с тем, что сказала Эмилия Эдгардовна о том, что режим не хочет и не может давать оценку. Мне кажется, что режим даёт оценку, он просто не может от этого отказаться, особенно в такие юбилейные моменты. Но она такая, какая есть – нейтрально-отстраненная. Дело других политических сил – высказывать свою оценку. Юбилей – один из поводов для переосмысления революции, и право на политическую оценку имеют все. Собственно, событие, в котором мы участвуем, и есть часть этого процесса.

Оценка режима в отношении революции, конечно, менялась. В 1990-е в выступлениях Бориса Ельцина официальный нарратив (т.е. смысловая схема интерпретации) данного события выглядел иначе. Октябрь представлялся величайшей трагедией, а Февраль – вершиной движения России по цивилизованному пути развития. Другими словами, именно Февраль, а не Октябрь оценивался положительно. И тем не менее, не он не был в центре споров об истории – в центре был Октябрь.

Можно задаться вопросом: почему режим 1990-х, который позиционировал себя как режим демократический, так мало сделал для того, чтобы переформатировать общественное восприятие Февраля? У меня на этот счет несколько объяснений.

Первое связано с тем, что политики говорят о прошлом, чтобы оправдать (или осудить) настоящее и очертить желаемое будущее. И здесь ключевым событием оказывается Октябрь, а не Февраль. Как бы мы не относились к истории России в XX веке, очевидно, что именно события Октября изменили эту траекторию, они стали моментом основания новой советской России. В силу этого без переоценки Октября было невозможно построить исторический нарратив для новой, демократической России.

Кроме того, политики 90-х действительно не слишком много внимания уделяли изменению символического ландшафта. На мой взгляд, это отчасти связано с тем, что они хотели делать всё не так, как советская власть. Их пренебрежение к идеологической работе было своеобразной реакцией на то, что советский режим ассоциировался как раз с усиленной идеологической работой.

Вместе с тем, они учили историю по советским учебникам и воспроизводили все тот же советский исторический нарратив, исходя из которой вся до-революционная история представлялась как путь к Октябрю. Отчасти поэтому в 1990-е, когда, казалось бы, власть была как никогда близка к тому, чтобы дать «официальную оценку» прошлому, сосредоточившись на движении России в либеральном и демократическом направлении, этого не было сделано. Те, кто мог это сделать, будучи у руля, были ментально к этому не готовы. Они просто не мыслили в таких категориях.

В нулевые годы общая концепция изменилась. Не сразу, а постепенно, в ее основу оказалась положена идея не «новой», а «тысячелетней» России. При чем конструкция была предельно эклектической, в ход шло все, что казалось по случаю удобным. Возникает вопрос, почему в нулевые годы, когда отказались от принципиально-негативного отношения ко всему советскому, события 1917 года не были переосмыслены? Ведь как бы к этому не относиться, Октябрь 1917 года – великое событие не только российской, но и мировой истории. Ведь, казалось бы, с точки зрения «тысячелетней» истории нации это такой символический ресурс, которым нельзя разбрасываться. Россия оказалась на переднем крае истории, она открывала не только для себя, но и для всего человечества новые идеи, институты, практики... Понятно, что воплощение этих идей в СССР было сопряжено с огромными человеческими потерями, и на поверку они оказались не такими «передовыми». Это было трагическое событие, но это было великое событие! Почему в нулевые годы не попытались реинтерпретировать Октябрь так, чтобы это признать?

Во-первых, если что-то и объединяет разные сегменты нашей элиты, то это революциефобия. Наша элита – и интеллектуальная, и политическая – после перестройки страшно боится слова «революция». Во-вторых, возможно, имеют значение личные вкусы первого лица: В. Путин с самого начала своей карьеры в качестве публичного политика говорил об Октябре как о «перевороте», отказывая ему в статусе великого события.

Вместе с тем, в контексте разработки пресловутого «единого учебника» истории, точнее концепции преподавания истории в школе, была предложена формула Великой российской революции, которая и определяет логику нынешних юбилейных мероприятий. Понятно, что это формула вызывает много споров. Вместе с тем, она очевидным образом устраивает тех, кто принимает решения от имени государства: она позволяет пережить юбилей, от которого нельзя отмахнуться, минимизировав риски. «Великая российская революция» как эпизод «тысячелетней истории» великого государства – чем не повод для «примирения»?

Я хочу закончить тем, с чего начала. Осмысление истории – дело, в котором принимаем участие все мы. Я согласна, что это дело политическое, политики всех направлений, не только могут, но и должны принимать в этом участие. Дело тех, кто находится у власти – предлагать свое видение прошлого. Дело тех, кто состоит в оппозиции – его оспаривать.

Эмилия Слабунова:

Юрий Сергеевич Пивоваров перед началом нашей встречи, сказал, что главный специалист по революциям – это Владимир Прохорович Булдаков.

Булдаков Владимир Прохорович,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Я действительно 40 лет революцией занимаюсь с некоторыми перерывами и уходом в другие темы. Юрием Сергеевичем Пивоваровым поднимался вопрос, можно ли понять революцию полностью, знать о революции всё. Конечно, невозможно. Дело даже не в этом. Уже говорилось о том, что память о революции власти не нужна. Действительно, авторитарной власти напоминание о том, что она не вечна, ни к чему. Такая власть не способна «переварить» ни революцию, ни любое другое крупное историческое событие, ни историю, как таковую, в целом. Это – закон. Французам это удалось лет так через 150-200, переварили. Возникает вопрос, отмечаем столетие... А в состоянии ли мы переваривать сегодня события 1917 года в полном их объёме в неприкрытой наготы?

Лично я в этом серьёзно сомневаюсь. На мой взгляд, революцию может понять, может переварить развитое гражданское общество. Но нам до такого

общества как до Луны. Это, во-первых, а во-вторых, в своё время народ России, великий русский народ, так и не смог переварить Февральскую революцию. И это при том, что такого восторга, какой вызвало падение монархии, я во всей русской истории не припомню. Это была дикая, совершенно безумная эйфория. Перед людьми открылся новый мир, они почему-то решили, что все проблемы решены, что впереди столбовая дорога, по которой можно как по Невскому проспекту проехать в светлое будущее. С одной стороны эйфория, с другой – великое заблуждение. Так бывает: человек соткан из заблуждений.

Я до бесконечности могу перечислять, в чем состояли эти заблуждения. Остановлюсь на главных. Прежде всего, революции (переворота) в полном смысле слова не было. Многие почувствовали, что просто рухнуло это здание, выгоревшее и истлевшее изнутри. Народ добивал эту ненавистную власть, которая в один момент предстала исчадием ада и сгустком всего земного зла. Это было связано с тем, что психологически, ментально народ, все слои общества, просто не были готовы к этой ситуации – без самодержавия и без царя. Авторитарно-патерналистская культура не принимала случившегося. В этом коренится вся цепь последующих событий. Люди не смогли сориентироваться, что же произошло. А как они ориентировались в событиях? Очень просто.

Они считали, что всё пойдёт по некоторым стандартам Великой Французской революции. Люди, конечно, страшно ошиблись, и это была непоправимая ошибка. А политики решили, что поскольку теперь они у власти, то могут все свои планы, проекты, утопии так или иначе сверху навязать народу. Это было величайшее заблуждение либеральных политиков, умнейших по тем временам людей. Оказывается, когда происходят события такого масштаба, мало быть умным политиком, мало быть знающим человеком, мало, а может быть даже вредно, «слишком хорошо» знать историю других революций. Надо прежде всего понимать в какой стране ты живёшь. А это, оказывается, чрезвычайно сложно, когда живёшь в авторитарно-патерналистской системе, которая неустанно капает на мозги, с детского сада внушает: вы самые счастливые дети самой прекрасной страны.

Известно, что любую проблему нельзя разрешить на том уровне, на котором она возникла. Прошло сто лет, и мы до сих пор судим о событиях 1917 года по высказываниям тех людей, которые в этом процессе участвовали. Это великое заблуждение. Вот прошло 100 лет, я уже не раз говорил, что надо фактически историю революции писать с чистого листа: как мы сейчас видим её и последствия. Надо отказаться от привычной политической истории, а это мы не умеем.

Что касается истории социальной (истории народа) – то предстоит понять, что чувствовали люди того времени, на что они надеялись и почему они так или иначе поступали. В конце концов, история очень многообразна и многомерна. Когда-то это была история античных богов, затем история королей, потом наступила история народов. А сейчас дело идет к истории человека – настоящей истории. И, вероятно, нужно посмотреть на революцию под этим углом зрения. Что же случилось с человеком? Не с политиками только, а именно с маленьким человеком. Почему этот человек в октябре 1917 в Мариинском театре на спектакле «Живой труп» при появлении городского заплотировал? Кстати сказать, а почему после Великой французской революции через некоторое время люди стали кричать: «Да здравствуют тюрьмы, да здравствуют оковы»?

В своё время считалось, что революции, Карл Маркс об этом не раз упоминал, – локомотивы прогресса. Владимир Ленин, естественно, считал тоже самое. Можно посмотреть и по-другому – революции сдерживают слишком быстрый прогресс. Тот прогресс, который не стыкуется с психикой отсталого, примитивного человека. Это другой взгляд на революцию.

Я думаю в столетие революции главное понять: что же произошло с нами, изнутри, а не что творилось во власти. А там творилось разное. Политики были неглупые, блестяще составили самый совершенный закон выборов в Учредительное собрание. Только Учредительное собрание надо было созывать не через девять месяцев, и даже не через три, как это было в других революциях. Чем скорее, тем лучше. По самому примитивному закону. Но всё равно нельзя было избежать Учредительного собрания. Надо было принимать решения о выходе из этой войны, ибо всякое иное решение открывало путь большевизму и не только. Ещё и похуже были элементы.

Мне очень хочется надеяться, что в этом году мы подойдём к понимаю того, о чем я говорил, потому что деваться нам просто уже некуда. Тогда мы сможем сказать, что мыслим как граждане страны, от мнения которых власть не имеет права уклониться. Проблем очень много и касающихся Февральской революции, и последующих событий. Все эти вопросы нужно изучать. Но главное – понять, почему случилось так, а не иначе как до революции, так и после неё.

Эмилия Слабунова:

Вы подняли такую фундаментальную проблему: в состоянии ли мы переварить Октябрьскую революцию, объясняя это состоянием гражданского общества. На ваш взгляд, какой путь в своём становлении должно ещё пройти наше гражданское общество, чтобы справиться с этой задачей – переварить Октябрьскую революцию?

И, если можно, сразу второй вопрос, связанный также с процессом переваривания. На ваш взгляд как специалиста, в какой степени сейчас существует открытость и доступность архивов, чтобы делать правильные выводы?

Булдаков Владимир Прохорович:

Сразу же отвечу на последний вопрос. Как ни странно, я за всё своё время изучения революции никаких проблем с архивами не встречал. Многие считают, что существует какой-то ключевой документ, по которому всё сразу станет ясно. Ничего подобного, профессиональный историк всегда раскрутит ситуацию в большей или меньшей степени, с большей или меньшей точностью.

А что касается нашего созревания до переосмысления революции, отвечу совершенно откровенно: за 40 лет не смог переваривать столетия столетней давности, скорее заработал лишь несварение. Но работать в этом направлении нужно. На это уйдёт длительный период, уверяю вас. Нас ждёт всякое впереди. Надо готовиться к революции, не такой, конечно, революции, а к революции сознания.

Эмилия Слабунова:

Олег Витальевич Будницкий, в одном из ваших интервью я прочитала, что революции происходят совершенно неожиданно для политиков. Это как раз к вопросу о той революции в свете последнего прозвучавшего предложения. Расскажите, пожалуйста, об этой неожиданности к февралю 1917 года для политиков того времени.

Будницкий Олег Витальевич,

доктор исторических наук, профессор школы исторических наук НИУ ВШЭ

Я хотел сказать два слова о том, с чего все начинали, о том, что власть говорит или не говорит по поводу революции. Вы знаете, если она ничего не говорит – я себя очень хорошо чувствую, слава богу, что власть не даёт никаких установок. Мне кажется, что должно быть наоборот – власть должна как-то прислушиваться к тому, что говорят и пишут историки, поскольку они всё-таки что-то понимают в своем предмете, хотя возможно и не всегда правильно. Тем не менее, они работают с документами.

Что касается отсутствия внимания к революции в СМИ, в обществе – я этого совершенно не чувствую.

У меня просто профессиональная жизнь прекратилась, в связи с тем, что я чувствую некий долг откликаться на те или иные запросы. Здесь общественный интерес достаточно велик, и у нас в стране, и за рубежом. Я даже получил вопрос от одной сербской журналистки: «Почему у вас в стране считают, что

Гаврило Принцип сделал что-то такое нехорошее, ведь, по-моему, всё случилось нормально, мы ведь боролись за свою свободу?». Видимо она ожидала от меня услышать какую-то другую оценку деяния Гаврилы Принципа.

Возвращаясь и отвечая на ваш вопрос, по окончании первого часа из уст Юрия Сергеевича Пивоварова прозвучало слово «война», наконец-то. Мы так говорим всё время, что революции происходят как-то так, вообще посреди тихой мирной жизни – незрело недовольство самодержавием и свершилось. Это воюющая страна, воевала вся Европа. Без понимания военного контекста понять февральские события невозможно. Вообще любая революция происходит стихийно, иначе это не революция. Мне неизвестна ни одна революция, которую кто-то сумел спланировать, подготовить и так далее. Классик этого дела, Огюст Бланки, всё планировал идеально, но всё всегда заканчивалось одинаково, он оказывался в тюрьме. Всегда это происходит внезапно и стихийно, исключения мне неизвестны. Традиционное объяснение того, что произошло в феврале: была тяга к свободе, свершилась революция, и настало время для демократических преобразований, которые были прерваны Октябрём. Вообще-то всё произошло не совсем так, с моей точки зрения. Случился солдатский бунт и это – главное, что произошло. Не выступление рабочих и женщин, а именно солдат. Взбунтовавшиеся солдаты, убив некоторых из своих офицеров, испугались того, что они сделали. Они в пришли к Государственной Думе в поисках защиты и поддержки. Дума получила власть из рук взбунтовавшихся солдат, легитимизировав произошедшее и переведя бунт в категорию революции. Поэтому, когда говорят, что люди делают свою историю сами – это так, но это идёт совсем неожиданными путями. Также, я не вполне согласен, что эта революция поставила Россию во главе человечества.

Если мы посмотрим в европейском контексте, в контексте европейского катаклизма, революции случились не только в России. Это процессы, которые были вызваны войной, прежде всего. Не будь войны, вряд ли бы произошёл такой тектонический сдвиг, который случился в России. Какие претензии предъявляла либеральная оппозиция – та, которая была гласная и имела возможность высказываться в Думе о власти? То, что власть неэффективно ведёт войну – это главная претензия. Если мы посмотрим на начало штурма власти, «штурмовой сигнал», речь Павла Милюкова 1 ноября 1916 года: «Глупость или измена?». Речь идёт о том, что власть плохо ведёт войну, немецкое засилье, какие-то там шпионы и прочая ахинея, которая никогда не имела ничего общего с реальностью. 3 ноября Василий Маклаков, самый правый из кадетов, продолжает атаку на власть, он говорит: «Мира вничью, мы не простим никому. Вы слышите, никому!», – говорит он, об-

ращаясь к сидящим в правительственной ложе. И заключает: «Вместе наша жизнь невозможна». Он реагирует на слухи о сепаратном мире. Более того, законник Василий Алексеевич Маклаков тогда становится де-факто юри-сконсультлом при убийцах Григория Распутина, он их консультировал. Как вообще всё это сделать, и как потом избежать наказания. Что было в головах вообще у части элиты? Феликс Юсупов пришёл к Маклакову, услышал о его речи в Думе и попросил связать его с людьми, которые могут убить Распутина. Он считал, что если человек говорит в Думе какие-то оппозиционные речи, то, наверное, он связан с убийцами, террористами и так далее. Это не анекдот – это документ.

Я читал воспоминания Маклакова в архиве, где он говорит, что юридически, в полном смысле этого слова был соучастником.

Вот на этом фоне и случается солдатский бунт, образуется Временное правительство, состоящее из блестящих интеллектуалов, которые не имели никакого понятия о том, как управлять государством.

Первая реакция Милюкова после личного знакомства с назначенным премьером князем Георгием Львовым, главой Земского союза, считавшегося деловым человеком – «шляпа». Это первый вывод Милюкова. Я продолжаю то, что сказал Владимир Прохорович, нужно знать страну и понимать её.

Почему был бунт?

Потому что люди были недовольны, прежде всего, теми проблемами, которые были вызваны войной, и самой войной как таковой. Что делает правительство – оно заявляет, что мы будем вести войну до победного конца. Это абсолютно разнонаправленные движения, и совершенно различное понимание.

Почему не провели выборы в Учредительное собрание?

Это достаточно хорошо известно, потому что боялись того, что изберут крайних радикалов в это собрание. И так, в общем, и произошло в результате. А сколько бились над этим избирательным законом, каким он должен быть. Есть замечательные опубликованные источники, полемика того же Маклакова, либерального консерватора, и Марка Вишняка, эсера, будущего секретаря Учредительного Собрания о том, каким должен быть избирательный закон, и что произойдёт в результате выборов. Произошло то, что и должно было произойти. Если мы посмотрим на состав Учредительного Собрания, там, конечно, преобладают левые радикалы, ведь таково было настроение страны. Мы пытаемся систематизировать события задним числом и привести их к каким-то идеологическим и прочим моментам. На самом деле это нечто больше похожее на крестьянские движения эпохи Стеньки Разина и Емельяна Пугачева. Большевики были готовы пойти за самыми низменными инстинктами масс, что и позволило им повести массы за собой.

Я полагаю, что нам действительно ещё многое предстоит понять о том, что представляла собой революция. У нас для этого есть практически все необходимые источники, причем даже в опубликованном виде. Огромный массив. По революции опубликовано невероятное количество источников. Теперь надо через сто лет немножко подумать и как-то расставить точки над і.

Эмилия Слабунова:

Константин Николаевич, скажите, пожалуйста, с чем вы готовы и не готовы согласиться из прозвучавшего?

Морозов Константин Николаевич,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории
Школы актуальных гуманитарных исследований ИОН РАНХиГС

Я готов согласиться с тем, что процесс осмысления нашего прошлого и извлечение уроков – это крайне непросто, я уверен, что на это уйдут ещё годы и десятилетия. Я согласен, что для этого нужно своего рода взросление общества, нужно гражданское общество.

Что касается разных точек зрения на историю. С одной стороны, во всём мире происходит традиционное навязывание, – всегда так было, той или иной своей точки зрения обществу. Это называют даже таким термином, как «историческая политика». Но при этом не только власть навязывает, есть точки зрения у всех политических партий, есть свои взгляды на события у самых разных групп, слоёв населения, и идёт борьба. Борьбу переносят на пространство истории и, когда историю называют полем битвы, то на этом поле в первую очередь погибает историческая наука и сами историки. Год назад я участвовал в дискуссии на ОТР (Общественное телевидение России) «Поле битвы – история». Представители другой стороны имели общую позицию и один из них заявил: «историки – это солдаты государства». Я возражал им, что всё-таки историки это не солдаты, они – учёные. На войне солдаты убивают, берут в плен, пытаются и любыми способами достигают поставленной задачи. Задача же ученых познавать истину.

Кого вы собираетесь брать в плен и убивать? Что вы получите вообще в конечном результате, используя такие формулировки и такую терминологию?

Как мой коллега Борис Колоницкий говорит: «Идёт война истпартов». Было такое учреждение «Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП» в большевистский период, которое занималось сбором материала и исследованиями. С другой стороны, это ещё полбеда, потому что всякого рода «истпарты» более или менее квалифицированы, хотя и они весьма вредны. Но настоящая беда – это девятый

вал конспирологии, которая просто убивает любую науку и научное мышление, вал, который захлестнул СМИ.

Выход из этого состояния - это повышение уровня культуры общества, это историческая культурно-просветительская деятельность, это необходимое возрождение культуры диалога, которая за последние два десятилетия, например в СМИ, убита. Посмотрите, что собой представляют ток-шоу, в том числе и на исторические темы. Это сознательная профанация и убийство всякого диалога. И это вовсе не безобидно. Ведь растут поколения, которые не могут находить общего языка и не хотят его находить.

Александр Иванович Герцен около полутора столетий тому назад высказал очень верную мысль, что в споре своему оппоненту нужно раскрывать глаза, а не вырывать их. Вот то, что и 150 лет спустя остается актуальным и в XXI веке, это очень тревожный знак.

Таким образом, обобщая, я не уверен, что в этом юбилейном году мы найдём ответы на все вопросы. Я вижу нашу задачу в том, чтобы сохранить историю как науку от «добивания», а самих историков-ученых от затопления в этом хаосе конспирологов и тех же «тоже-историков», которые пытаются навязать свои идеологизированные точки зрения. Но, в конечном счёте, если сохранится история как наука, будет атмосфера диалога в обществе, готовность общества поступиться теми или иными своими привычными взглядами ради извлечения уроков для развития общества - вот тогда будет и серьёзный прогресс в осмыслении нашей истории. Что касается извлечения уроков из прошлого, к моему глубокому убеждению, любая власть и большинство политиков совершенно не в восторге от тех уроков, которые извлекаются учеными из истории. Потому, что эти уроки требуют от них им соответствовать. С этой точки зрения извлечение уроков из нашего прошлого достаточно обязывает, и не только власть, но и всё общество.

Переосмысления требует не только революция 1917 года. Посмотрите на многие предшествующие и последующие периоды и события, увы, у нас много есть того, что требует осмысления и извлечения уроков.

Одна из больших серьёзных проблем, всегда существовавшая, - это отставание или инорирование политических элит во всех странах от запросов времени. Посмотрите на политические элиты в мире - кто и где соответствовал в полной мере тем вызовам, которые ставит история перед ними и перед обществом. Мне в голову приходит, может быть, Франклин Делано Рузвельт с его Новым экономическим курсом в 1930-е годы, может быть Дэн Сяопин, который сменил само направление развития Китая. В общем-то, примеры единичные. Сплошь и рядом политические элиты, да и значительная часть общества, предпочитают делать так, как им диктует своя воля, выгода, свои

привычки и многое другое. С этой точкой зрения взросление общества и его элит для того, чтобы соответствовать этим вызовам истории, на мой взгляд, несомненно необходимо.

Я хочу ещё о следующих вещах вкратце сказать.

Революцию иногда называют смутой. С Владимиром Прохоровичем Булдаковым на этот счёт мы спорили не один раз. Также часто конспирологически объясняют ее причины заговорами, злой волей или случайностями. Но разве можно события 1905-1907 годов и февраля 1917 года вырывать из контекста европейских революций, из контекста английской революции и череды французских революций?

Здесь есть над чем подумать.

Кроме того, я бы не стал причины Февраля 1917 года сводить, как Олег Витальевич, к войне и к солдатскому бунту. Потому что причины глубже, и правильно кто-то из современников, задаваясь вопросом, где начало обрушения царского режима, выводит его, примерно, к тому моменту когда Александр II начал колебаться в продолжении реформ, и уж точно к его сыну Александру III. Путь конституционной монархии был одним из самых возможных по целому ряду причин, и по этому пути страна пошла. Она шла по пути конституционной монархии, но ей не стала - не хватило последних решительных шагов и качественных изменений, но в любом случае, не только война, не только солдатский бунт - причины обрушения монархии и возникновения революции. Совершенно точно, что первая российская революция, революция 1905-1907 годов, тоже возникла не потому, что там была русско-японская война. Война облегчает революцию как своего рода катализатор - это безусловно. Но первопричина глубже. Искать и видеть разнородные причины разных событий - задача историков и общества.

Последняя тема, которую я сейчас хотел бы затронуть, - это наличие альтернатив демократического пути развития в 1917 году и сохранение демократии как магистрального пути развития, сохранение политических свобод, сохранение парламентаризма.

Я, например, считаю, что было большим несчастьем, что революция произошла во время войны. В мирное время выполнение Учредительным собранием народной воли, выраженной в итогах голосования, и возможность сохранения страны на путях политических свобод и демократии было бы в значительной степени облегчено. Но, на мой взгляд, совершенно точно то, что к 1917 году выросли многие новые элементы гражданского общества (помимо хаоса и помимо психопатологии, о которой говорит Владимир Прохорович Булдаков), мощно пошли процессы созревания самых разных общественных организаций и движений. Мощное профсоюзное движение, мощное женское

движение, выдвинулась на сцену политическая элита, которая формировалась из оппозиционных партий в противостоянии с властью, – а по уровню и качеству их и их лидеров сегодня мы имеем регресс. Посмотрите на первый ряд лидеров всех партий 1917 году, и попробуйте набрать сегодня таких же десятков в каждой партии. И не только это, важен и уровень идей, и особенно культурный и моральный уровень самой интеллигенции. Страна, безусловно, имела всё необходимое и достаточное для развития по пути демократии и парламентаризма и сохранения политических свобод. Почему этот путь не удалось реализовать и воплотить в жизнь – это очень серьёзный разговор, к которому надо серьёзно подходить, а не закрывать эту проблему психопатологией и войной с солдатским бунтом. Я исследую сейчас шансы, потенциал и причины срыва эсеровской демократической альтернативы в 1917 году и надеюсь написать об этом книгу, так как уже пора всерьёз разобраться, так ли уж верен укоренившийся стереотип, что Россия в 1917 году была неизбежно обречена на диктатуру – красную или белую, но диктатуру.

Эмилия Слабунова

Я слушала про историков, которые становятся первыми жертвами на поле битвы истории и вспоминала тех историков, которые защищают диссертации на темы того, что оценки исторических событий должны соответствовать интересам государства, и процветают. Жертвами становятся те, кто в диссертационных советах находятся, они на этом поле битвы первые жертвы. Вы говорите о том, что происходит навязывание оценок. Гражданское общество здесь у нас в зале и на связи с нами в Интернете – как противостоять, и можно ли противостоять навязыванию оценок?

Морозов Константин Николаевич

Во-первых, на мой взгляд, необходимо пространство научных дискуссий, научных обсуждений, но не в своеобразном «научном гетто», а с вынесением их как можно шире в общественное пространство. Следующий шаг, который когда-нибудь будет сделан – это общественные дискуссии, в том числе и в СМИ, но не в ситуации, когда все строго моделируется и задаётся определённый набор «единственно правильных» точек зрения. Мы видели общественные дискуссии в разных странах Европы в XX веке, где вырабатывается то или иное отношение к своей истории. Этот этап обязательно должен в будущем пройти и в России. Но для этого и уровень культуры общества должен вырасти, и ток-шоу, где любая мысль убивается, должны уйти в прошлое. Нужно поддерживать культуру осмысления прошлого и поднимать этот уровень у всех в этом участвующих.

Обществу нужны историки, а также все те, кто пытается честно извлечь уроки из прошлого, чтоб не наступать на одни и те же грабли. Поэтому всем нам необходимо захотеть извлекать уроки вопреки своим интересам, своим привычкам. Это, как ни патетически это звучит, и есть проявление не только профессионального, но и гражданского долга.

Эмилия Слабунова:

Олег Витальевич Будницкий, меня зацепил Ваш вывод о том, что революции происходят совершенно неожиданно для политиков. Константин Николаевич Морозов сказал об отставании политических элит, что это глобальная проблема, и что политики того времени, о котором мы говорим, не чувствуют вызовы времени. С этим была связана неожиданность прихода Февральской революции.

Вы участвовали в интервью с одним из коллег, который вообще обвинил либералов того времени, что они поторопились. В интервью Павла Милюкова с Джорджем Бьюкененом английский посол говорит, что надо было подождать лет десять, чтобы у вас появилось правительство, ответственное перед государством, они вот 800 лет ждали. Либералы не подождали в тот момент, потому что они совсем не чувствовали ситуацию?

Будницкий Олег Витальевич:

Взрыв или народное волнение – это ощущалось. Есть замечательный источник – донесения департамента полиции, который собирал разные сведения, причем довольно объективно. Но так уж получается в истории, что современники всегда недопонимают того, что происходит на самом деле. Одна из общих бед всех политиков всех времен (за редким исключением) – неумение предвидеть последствия своих действий, в том числе ближайшие. Если говорить о либералах, то, конечно, они ни причём. Начались сначала женские волнения, затем рабочие, был «идеальный шторм», были невиданные морозы в Петрограде, разруха на транспорте, и проблема с хлебом – печь его не на чем было, не было топлива. По безумному приказу Николая послали разгонять волнения войска, как подавить без стрельбы? Начали стрелять. А через день солдаты начали стрелять своих офицеров. Это ведь были те же самые крестьяне, уставшие от войны и от всего прочего. И вдруг это случилось. Либералы хотели ответственного министерства (т.е., правительства, ответственного перед Думой), о чём начались вялые переговоры. Об этом вел переговоры тот же Маклаков с министрами, считавшимися наиболее вменяемыми в царском правительстве – Н.Н. Покровским и А.А. Риттихом. О «министерстве доверия» без всяких либералов, во главе

которого будет популярный генерал, например Михаил Алексеев. А все силы будут брошены на войну. Они ему звонят через какое-то время: «Вы знаете, мы посоветовались, нет». На что Маклаков: «А вы знаете, что происходит на улице?». Разговор происходил 27 февраля. Ответ: «А в чем дело??». – «Тогда нам не о чем говорить». Маклаков повесил трубку. Министры не понимали, что происходит в столице. Вот такая была история и те люди, которые заседали в Думе, чувствовали, что что-то назревает, но не предвидели, когда и во что это выльется – Милюков видел из окон своей квартиры, что в казарме Волынского полка происходит что-то странное: солдаты бегают, митингуют.

В заключение, я приведу в пример ещё одного небезызвестного политика – Владимира Ульянова-Ленина, который в январе 1917 года, выступая перед швейцарской социалистической молодёжью, говорил, что «мы, старики, может быть, не доживем до грядущей революции». Это говорилось за несколько недель до ее начала. Это к вопросу о способности политиков предвидеть будущее. Даже совсем недалекое.

Александров Кирилл Михайлович,

кандидат исторических наук, сотрудник

Мемориально-просветительского и историко-культурного центра «Белое Дело»

В связи с обсуждаемой темой я набросал несколько тезисов, внимательно слушая своих коллег, и мне хотелось бы их озвучить, а потом сделать вывод, который, как мне кажется, совершенно логично из этих тезисов вытекает.

Первое. Свод законов Российской Империи 1906 г. гарантировал, на мой взгляд, фундаментальные ценности гражданского строя: неприкосновенность частной собственности, свободы предпринимательства, неприкосновенность личности и жилища, судебную защиту, обеспечил – при всех ограничениях – существование народного представительства в виде Государственной Думы. До начала Великой войны большевики имели свою фракцию в IV Государственной Думе.

Второе. Великая война, как современники называли Первую мировую войну, конечно, сыграла очень негативную роль. Она стала стрессом, и не только потому, что от неё устали, хотя это, конечно, тоже очень существенно. Если мы сравним положение жителей Петрограда зимой 1917 г. с положением жителей Берлина или Мюнхена, то увидим, что положение немецких обывателей выглядело намного более драматичным, по сравнению с петроградцами, в Германии уже начиналась голодная смертность. Зима в Германии 1917 года – это «брюквенная зима», она получила такое официальное название. Дневной рацион – меньше 1000 калорий на человека. Это значит, что зимой 1917 года

немецкий обыватель получал 270 г. хлеба, 400 г. картофеля, 30 г. мяса. Тем не менее, немцы боролись. В Петрограде такого не было. Всё же проблема не в усталости от войны, хотя, я подчёркиваю, что и этот фактор имел значение. Те солдаты, которые устроили бунт в Петрограде, они на войне как раз и не были; Они устроили бунт, чтобы на войну не попасть. Проблема в другом. Великая война уложила в могилы лучшую часть русского общества во всех условиях и социальных группах: более 1,5 млн убитых и пропавших без вести, перебита практически вся кадровая пехота и в пехоте – почти весь кадровый офицерский корпус Императорской армии. Эти потери оказались в качественном отношении невосполнимы, они ослабили и без того тонкий гражданский слой российского общества. В годы Первой русской революции кадровая армия сохранялась и революция 1905 г. не могла победить. Одного Л.-гв. Семёновского полка и полубатареи хватило в декабре 1905 года, чтобы справиться с восстанием в Москве.

Третье. Февраль в очень большой степени родился из взаимного раздражения. Об этом сегодня уже говорили коллеги. С одной стороны, Государственная Дума или же, условно говоря, назовём эту сторону либеральной оппозицией, с другой стороны власть – в первую очередь, император. Действительно, Милюков говорил, что русские либералы не могут ждать десять лет. Они хотели власти немедленно. К сожалению, нетерпение – неотъемлемая черта русской политической жизни, неприятие всякого постепенства, об этом ещё веховцы писали. Государь, в свою очередь, жил в плену архаичных стереотипов о самодержавной власти, его раздражало, что либералы покушаются на самодержавие. Хотя, конечно, самодержавие Николая II и Александра III – это совершенно разные самодержавия. По существу с 1906 года в России уже не было самодержавной монархии, она еще не стала конституционной, но законодательная Дума объективно ограничивала царскую власть.

Четвертое. Философ и мыслитель Фёдор Августович Степун озвучил важный тезис: Октябрь, с точки зрения Степуна, родился раньше Февраля в России. То, что мы называем солдатским бунтом в Петрограде, вернее мятежом запасного батальона Л.-гв. Волынского полка – это и есть Октябрь. Степун писал о том, что большевизм, к сожалению, был имманентно свойственен, может быть, большей части нашего малообразованного и малокультурного народа. Это то, о чем предупреждал Федор Михайлович Достоевский: дайте русскому человеку право на бесчестье, и он этим правом воспользуется.

Пятое. Февраль привёл к крушению традиционного для России политического обряда, о чем писал в эмиграции ученый и теоретик, Генерального штаба генерал-лейтенант Николай Николаевич Головин. Произошла катастрофа конституционно-монархического проекта. Не Февральская революция

упразднила русскую монархию, не солдаты Петроградского гарнизона, не Временный комитет Думы, не рабочие забастовки. Русская монархия, в которой монарх играл роль символа, объединявшего страну и общество, прекратила существование в результате двух высочайших актов. Первый - это незаконное лишение престола цесаревича Алексея Николаевича, когда Николай II отрёкся не только за себя, но и за своего сына, не имея на это права. Второй - это странный отказ Великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти. Он и не согласился, и не отказался царствовать. Василий Витальевич Шульгин и Александр Иванович Гучков, когда узнали, что государь отрекается и за сына, вышли в соседнюю комнату, чтобы обсудить эту неожиданную ситуацию. Генерал-инспектор полевой артиллерии, Великий князь Сергей Михайлович вместе с генералом Михаилом Васильевичем Алексеевым принимал в Ставке телеграфную ленту с новостями из Пскова в ночь на 3 марта. И заведующий службой связи, Генерального штаба полковник Борис Николаевич Сергеевский вспоминал: Великий князь Сергей Михайлович выхватил ленту и воскликнул: «Как в пользу Михаила?! Вот так штука!» Шок для всех. А почему шок? Потому что многомиллионная русская армия была связана присягой не только Николаю II, но и цесаревичу Алексею. Каждый чин, вступая в службу, присягал не только государю, но и наследнику престола, а теперь одним росчерком пера армия освобождалась от присяги. Что делает Алексеев? Отдает приказ приводить армию и население в прифронтовой полосе к присяге на верность императору Михаилу Александровичу. Офицеры-законоведы ему говорят: «Ваше Высокочество, это невозможно. Основанием для принесения присяги является манифест лица, вступившего на престол. Ждём манифеста Михаила». Но Михаил на престол не вступил, и вся конструкция стала рассыпаться и рухнула в Октябре. Оказалось - и армия, и население не готовы вне привычного политического обряда существовать. Оказывается, каким бы ни был монарх - самодержавным или конституционным - он был определённым символом, играл консолидирующую роль. Интеллектуалы - либералы и социалисты - стали ставить широкий демократический эксперимент в России, если посмотреть на декларацию Временного правительства 3(16) марта 1917 года. Но они совершенно не задавались простым вопросом - а готово ли население по своему уровню развития сознания и культуры, к такому эксперименту? Готовы ли они к свободе в таком объёме, тем более во время продолжавшейся войны?

Русский либеральный проект созрел в самодержавной императорской России. Кто такие русские либералы? Это люди с дипломами императорских университетов. Оказалось, что наш либеральный проект вообще мог существовать и развиваться только в рамках конституционно-монархического

проекта. Рухнул конституционно-монархический проект 2-3 марта - оказался обречённым и русский либеральный проект.

Предпоследняя моя мысль заключается в следующем. Если бы в одном историческом кинозале посадить всех активных участников политических событий 1917 года - от меньшевика Юлия Мартова до правого монархиста Владимира Пуришкевича - и показать зрителям, что на протяжении следующих 35 лет в нашей стране погибнет более 50 млн человек, а ещё 1,5 млн будут вынуждены покинуть страну, которая потеряет цвет технической, культурной и образовательной элиты, то все бы эти люди, извините за публицистический термин, сошли бы с ума и никогда бы не поверили в кошмар, показанный им на киноэкране. К сожалению, Февраль открыл дорогу катастрофе. От этого никуда не денешься: гибель на протяжении следующих 35 лет такого большого количества людей и такая массовая эмиграция - это национальная и демографическая катастрофа, пережитая обществом и страной в первой половине XX века.

Итоговый вывод. Мне кажется, что по совокупности сказанного, Февраль, который во многом был следствием субъективных человеческих поступков, а не только объективных причин, оказался исторической трагедией, каким-то сбоем. Это были преждевременные роды несостоявшейся русской свободы. И ребёнок, увы, родился мёртвым, потому что мать рожала младенца преждевременно и на очень сильном морозе. Простите за такую публицистичность. Ни одной проблемы, как мне кажется, которые стояли перед Россией, Февраль не решил и в перспективе лишь открыл путь к власти большевикам.

Эмилия Слабунова:

Профессор МГИМО Черникова Татьяна Васильевна занимается другим историческим временем. Наверное, с тех исторических расстояний, которые являются предметом вашего профессионального интереса, события, которые мы обсуждаем возможно выглядит как-то несколько иначе, чем в прозвучавших оценках.

Черникова Татьяна Васильевна,

доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО

Моя сфера научных интересов - это XV - XVIII век, поэтому я немножко со стороны смотрю на эту дискуссию. У меня возникли некоторые предложения к коллегам и даже - где-то спор с ними. У нас есть привычка вырывать и Февральскую, и Октябрьскую революцию из хода предшествующего исторического развития и всё, что происходит в XX веке, рассматривать как некий

эксперимент, мало чем связанный с прошлым. Мне как раз кажется, что задача современной науки заключается в том, чтобы попытаться вписать революцию 1917 года в прошлое России и посмотреть, настолько уж ли мы в XX веке ушли от той социокультурной системы, которая сложилась с рождением России. Безусловно та Россия, в которой мы живём, рождается в конце XV века при Иване III. Это весьма оригинальная, с моей точки зрения, конструкция. Это страна безусловно устроена совершенно по-другому, чем западноевропейская цивилизация. А связано это, прежде всего, с тем, что тут гипертрофированно развито государство, которому подчиненно атомизированное средневековое традиционное общество с гигантскими пережитками архаического мышления.

Особенностью этой конструкции является то, что она очень хорошо реагирует на внешние вызовы, она перенимает в готовом виде всё, что изобретает европейская цивилизация, повышает тем самым свою конкурентоспособность на внешней арене.

С другой стороны, идёт укрепление вотчинного уклада русского самодержавия, который тем и отличается от западноевропейской конструкции, что тут государство в лице государя является верховным собственником всей земли и ресурсов. Линия выстраивается так: государь-холопы.

Если мы посмотрим на то, что получилось после Октября – у нас то же самое, но только, как по Гегелю, на новом уровне (хотя нас учили что это законы марксистской диалектики), государство стало теперь тоталитарным. Эта линия: государь-холопы доведена до абсурда, создана мобилизационная структура, которая может действительно решать все вопросы. Представим, хотя бы для начала, что социокультурная система как таковая, не менялась в XV – XX веках. Менялась её форма, а принципиальная организация не менялась.

Если поставить вопрос, были ли кризисы аналогичные 1917-му году? Вы сразу выходите на Смуту конца XVI – начала XVII века и на конец XX века на 1991-й год. С XV – по конец XX века мы имеем три вариации глобального кризиса этой системы, которые говорят о том, что она должна была модернизироваться, не мимикрировать в новый мир, а внутренне модернизироваться. Но этого не произошло.

Встаёт ещё очень важный вопрос, который я для себя вдруг обнаружила, слушая уважаемых коллег. Это, наверное, главный вопрос для современных либералов. Почему не получилось решить эту важнейшую для России проблему в Феврале 1917 года Временному правительству, этому блестящему интеллектуальному коллективу?

Здесь мне как учёному, который изучает Средневековье, как раз всё очень понятно. Люди, которые составляли и отражали взгляды максимум 20% на-

селения, находившегося в процессе модернизации, и 5%, которые являлись по-настоящему членами современного общества, имели дело с гигантской массой практически средневекового населения. То, что масса крестьян была практически средневековой, говорит политический неуспех Петра Столыпина. (К тому же основную массу жителей России начала XX столетия очень трудно называть обществом, потому что общество предполагает всё-таки какие-то корпоративные связи, какую-то ответственность за своё поведение.)

Проблема России с её традиционным багажом в том, что темп Нового времени был для неё совершенно невозможен. Ей требовались века или, по крайней мере, много десятилетий для того, чтобы успевать всё это переваривать. Для средневекового мышления и средневекового человека и его образа жизни характерно, что в головах находится очень простая манихейская конструкция, иррациональная, религиозная, где есть два полюса: один - Правды, другой - Неправды. Ещё одна особенность этого народного манихейства, что в момент, когда происходит какое-то глобальное потрясение, устойчивость полюсов теряется. Отсюда и непредсказуемость Февральской революции. Полюса начинают меняться: Царь ещё вчера мог быть Богом на земле. Посмотрите кадры, когда армия присягает. Николай II едет с иконкой - армия бросается на колени и целует его сапоги. Затем эти же самые солдаты в феврале 1917-го действительно в полном восторге приветствуют падение монархии. А почему? Потому, что это уже Лже-царь, они теперь поверили в Правду - Революцию, в то, что им говорит новая власть.

Беда заключается ещё в том, что это традиционное общество совершенно не понимает тех категорий, которые предлагают либералы. Что такое свобода? Свобода в современном обществе - это очень сложное понятие сдержек и противовесов, прав, обязанностей. А к чему стремится русский человек? К воле. Воля - это совершенно противоположное свободе качество, это средневековая мечта вообще быть независимым от всего: от общества, от законов, от морали. Если не наступает того, что народ желал, в его представлении о Правде происходит обратная инверсия. Те, кто были кумирами, моментально превращаются в совершенную свою противоположность.

В эту ловушку ментальных инверсий попадает у нас уже в конце XX века, как минимум, два крупных политика - это Горбачёв Михаил Сергеевич и Борис Николаевич Ельцин. Вчера у них гигантские рейтинги, и вдруг сейчас это самые ненавидимые, если верить статистике (хотя я не знаю, насколько можно верить) персонажи. Политика в России - это такая тонкая вещь, которая должна как раз представлять, прежде всего, с каким населением она имеет дело.

У меня, как у «средневековщика», вообще очень большие сомнения в том, что наше общество к началу XXI века эти атавизмы архаического мышления и конструкции традиционного сознания пережило.

В свете этого понятно, почему не получилось у Временного правительства. Ведь задача была гораздо сложнее, чем дать России все гражданские и политические права, выстроить конструкцию с правильным парламентом и разделением властей. Задача заключалась в том, что нужно было каким-то образом провести социально-политическую реформу по выращиванию социальной опоры для такого правового государства, которого в России не было тогда, и нет сейчас. На это требуется время. В силу особенностей ментальности основной массы населения понятен либо деспотизм, либо другой вариант авторитарной власти - патернализм - всё остальное непонятно. Поэтому сложность и глобальность проблемы модернизации России колоссальная.

Млечин Леонид Михайлович:

Что у Временного правительства не получилось, мы с этим уже разобрались. А вот что на наших глазах нечто подобное не получалось - это гораздо болезненнее. Правильно ли я понимаю, что это и не могло получиться? Если с 15-го века ничего не изменилось, то с чего же должно в следующем году поменяться, скажите?

Черникова Татьяна Васильевна:

Вы понимаете, если коллеги говорили, что Февральскую и Октябрьскую революции надо вписывать в контекст европейский и мировой - я вот предложила, что давайте впишем ещё и в контекст исторического пути нашей страны. Ведь у нас есть примеры, правда они азиатские, когда в общем либеральное по духу, но достаточно жёсткое и понятное населению правительство в течение многих десятилетий проводит реформу, которая фактически создаёт в стране ту самую социальную опору. Возьмём, к примеру, историю Сингапура. С Чили вопрос, конечно, сложный. Но вот в Сингапуре получилось. В Таиланде в какой-то степени получалось. Тайвань, Южная Корея - безусловно.

Даже если вспоминать то, что говорили о русском народе, ещё совсем до революционном - важно, кто к чему его призывает. Это может быть Стенька Разин - вот тогда энергия получается совершенно разрушительная. Кстати, Максим Горький тогда разошёлся с Владимиром Лениным и большевиками и написал свои «Несвоевременные мысли», где именно на большевиков возложил вину в раскрепощении, как раз ему показалось, самых тёмных сил внутри русского народа, и народ пошёл на разрушение всего, а нужно было созидание. На мой взгляд, это было связано не столько с большевиками. Это

в данном случае сам народ в своей ментальной инверсии так выразился, поэтому большевики потом вынуждены были «закручивать гайки».

В России надо всегда говорить на языке, понятном народу, но не устраивать по всем программам центрального телевидения просто антикультурные шоу, где в мозги как гвозди забивается страшная и лживая картинка. Часть исторического сообщества совершенно сознательно из карьерных соображений или чувства опасности ведёт себя сервильно. Вы посмотрите, сколько вообще историков выступают и говорят то, что власть хочет от них услышать. Другие вообще переконструировались в пропагандистов. А надо потихонечку обратиться к тому, что называется просвещением. Нужно понимать, что на это потребуются не один год, не один день, не один месяц – это годы. Посмотрите, что происходит с системой образования. А ведь система образования – это как раз та штука, с помощью которой в своё время государство Израиль сформировало современное успешное общество из довольно разношерстной исторической группы людей, прибывшей на историческую Родину. Грандиозность и глобальность задач, которые стоят перед нашим обществом, конечно, колоссальные.

Что пугает меня лично – это интеллектуальное несоответствие этим задачам круга людей, которым поручают писать какие-то планы реформ. Это ещё одна катастрофическая проблема, которая встала перед страной.

Эмилия Слабунова:

Я слушала первую часть вашего выступления об отличиях исторического пути России, предшествующего Февральской революции, от путей западноевропейских государств, вспоминала выступление Юрия Сергеевича Пивоварова. Среди особенностей российской государственности и особенностей правовой и властной культуры он отмечает властечетричность, в отличие от антропоцентричности западноевропейской. Я думаю, что мы ещё зададим вам вопрос. Каковы перспективы вообще политической модернизации в условиях такой властечетричной правовой и властной культуры? Есть ли вообще какие-то надежды на успех политической модернизации?

Григорий Явлинский,

доктор экономических наук, профессор факультета экономических наук НИУ ВШЭ, председатель Федерального политического комитета партии «Яблоко»

Я очень благодарен всем, кто сегодня к нам пришёл. Для нас это очень важно. Я сейчас скажу фантастическую вещь. Я думаю, что если бы такой разговор показали по Первому каналу один раз, но весь, часов в восемь вечера, в субботу, то даже от одного такого случая многое бы уже начало меняться.

Первое – времена не выбирают. Я хотел бы вспомнить, что писал Антонио Грамши: «Пессимизм мысли и оптимизм воли». Поскольку времена не выбирают, думать мы обязаны правильно, чтобы наши мысли соответствовали реальности. Но у нас ещё есть душа и воля, а следовательно – от нас что-то может зависеть. И в этом наш долг, пока мы живы. И мы будем работать.

А сейчас я перейду к некоторым соображениям, сначала отдельным, а потом постараюсь как-то построить линию относительно того, что мы с вами обсуждаем. Никак не могу согласиться ни с таким персонажем, как Лев Давыдович Троцкий, ни с Александром Исаевичем Солженицыным. У каждого из них противоположные, но свои счёты с этими революциями – как с Февральской, так и с Октябрьской. Поэтому, что касается того, чтобы мы переварили революцию, то здесь я могу сослаться только на известную историю с Чжоу Эньлаем, когда у Чжоу Эньлая спросили: «А как Вы относитесь к Великой французской революции?» – он сказал: «Ещё рано об этом говорить». Поэтому, если ему было рано о Великой французской, то уж нам через 100 лет... Но всё-таки опять же – нам нужно работать, и нам нужно что-то реальное сделать, чтобы сдвинуть ситуацию в правильном, как мы думаем, направлении.

Не раз подчёркивалось, что после Февральской революции к власти пришли очень умные и образованные люди. Причём, я хочу заметить: они ничего не украли. Вы знаете, это вообще потрясающая вещь по сегодняшним временам. Они могли украсть всё, – и не украли ничего. Я, по крайней мере, нигде не встречал, чтобы кто-нибудь написал, что что-нибудь они украли.

А вот что они не уловили, если говорить попроще? Они не уловили, оставя это окошко перед Учредительным собранием, что туда могут ворваться террористы, просто бандиты, люди, которые вместо рассуждений о том, как лучше провести выборы, используют для этого оружие и захватят власть. А каким способом захватят власть? Казалось бы, вот весь наш народ был таким, который готов был пойти за большевиками. Потому что они сказали: «Мы дадим вам землю. Мы дадим вам фабрики. Мы вам дадим мир».

На современном языке это называется «популизм». Так сейчас Трампа избрали, не русский народ избрал. Говорят, конечно, что это наши хакеры, но вряд ли всё же. Трамп ведь он то же самое говорит: «Я вам сейчас перевезу фабрики и заводы из Китая назад, и вы опять будете работать на тех же самых рабочих местах».

Это же касается и *brexit-a*. Ясно, что теперь Шотландия будет отделяться. Потому что говорят: «Вот как только эти всякие перестанут сюда ездить, вы заживёте иначе».

Конечно, в США есть система и ещё посмотрим, как она работает и будет на всё это реагировать. Мы ещё посмотрим, что будет в Британии после всего

того, что там случилось, что теперь будет с Европой, что будет с Ле Пен. Но корни всех этих событий похожи.

Я смотрел внимательно разницу между революцией и бунтом. Революция всё же от бунта отличается, правда? Бунт – это такое самовыражение, а революция – это смена одной системы на другую.

Сегодня что нам говорит нам власть? «Давайте не будем этим заниматься». Почему? «Давайте не будем нарушать единство народа, потому что это примирение». Примирение кого? Жертв и палачей, ну и всех прочих. А для чего этого? Для сохранения себя у власти. Нам представляется, мы так это чувствуем, что Февральская революция – это итог запаздывания с реформированием власти, очень долгий отказ от модернизации. И всё рухнуло то, что просто не могло работать. Почему убили Распутина? Почему не упразднили Приказ № 1? Потому что те, кому досталась власть, не умели управлять государством. Именно потому, что не проводилась модернизация, то есть народ во власти не участвовал. Государь-император говорил: «Я не могу себе представить, что это такое – ответственное правительство». Он в дневниках писал: «Я не могу себе этого представить. Как это оно не передо мной отчитывается? Как это может быть?»

И в стране просто не оказалось людей, которые способны управлять государством. Но путь дальше они проложили, они ведь сказали, что нам делать. И они сказали, на наш взгляд, правильно: «Учредительное собрание». Другое дело, что они с ним опоздали. А опоздали потому, что никак не ожидали, что может выскочить «чёрный лебедь». И для этого действительно надо знать собственный народ, чтобы понимать, что надо все делать быстро, а не заниматься дискуссиями. И Михаил должен был сказать: «Я уже согласен. Хорошо, после Учредительного собрания, ну-ка, давайте быстро. Если Учредительное собрание решит, что нужна конституционная монархия, я – пожалуйста».

Так вот, появление Учредительного собрания это – выбор, который у общества был. 44 миллиона человек участвовали в выборах. Было самое демократичное избирательное законодательство. Все граждане участвовали, были отменены все виды цензов, все люди старше 20 лет участвовали в выборах, женщины участвовали. Где ещё такое было в мире? Да, война шла, Украина была полностью или частично оккупирована, но смогли провести эти выборы. В Учредительное собрание избрали больше 40% левых, эсеров. А большевики-то проиграли, получив 25%. И поэтому они уничтожили это собрание – потому что они поняли, что ничего там им не светит. А дальше произошёл просто кровавый захват власти, разгон собрания. И здесь мы подходим к главному вопросу. Мы говорим: Великая русская революция. Можно задать вопрос: что же

это за «великая революция», цена которой – 50 миллионов жизней, 26 миллионов во время войны. Стоит ли она такого названия? Она великая по масштабам цены: кого уничтожили, сколько уничтожили, как уничтожили с 1917-го по 1953 год.

Задача, которую ставила Февральская революция до сих пор не решена. Мы сейчас находимся, как нам представляется, в очень ответственном моменте истории. Можно попробовать констатировать (когда с учёными разговариваешь, боишься утверждать что-то), что произошёл срыв постсоветской модернизации. Эпоха постсоветской модернизации завершена. Она провалилась. Маркером этого провала является война с Украиной неважно – гибридная или не гибридная. Но это тысячи жертв, это кровь, это непрекращающаяся война, это нарушение всех международных правил в части Крыма. Можно назвать аннексией, можно назвать как-то иначе, но суть такая: о чём-то договорились, какие-то правила ввели, потом вероломно их нарушили. И ещё пошли в Сирию. Правда, сегодня ещё сообщили, что мы ещё и в Египет зачем-то случайно закосчили, на границе с Ливией там обнаружили наших военных. Трудно представить, что там могут быть у нас за серьёзные интересы.

Вот это всё вместе означает конец. Значит, так были проведены реформы, так 25 лет развивалась страна, что в итоге она пришла к этому. Так вот, этот вопрос остаётся для нас сверхактуальным. Но дело в том, что главный вопрос: почему так получилось? Готовых ответов, наверное, нет. Поэтому нам так важно разговаривать с вами и спрашивать вас.

Но один из ответов следующий: потому, что так и не дана была оценка всему этому периоду – честная, с любовью к стране, с любовью к своему народу, с беспокойством о будущем, но профессиональная, честная и открытая. Какая оценка? Государственная, правовая, общественная, политическая – всеобъемлющая. Что случилось в 1917 году? Что случилось в октябре-ноябре? Что случилось в январе 1918 года? Почему случилась Гражданская война? Кто отстаивал российскую государственность? Кто устроил государственный переворот? Потому что не было этой оценки, поэтому так и провели реформы – большевистски: «Цель оправдывает средства», «*Property is theft!*», Пьер Прудон, Карл Маркс: «Собственность – это кража». Значит – так надо проводить приватизацию. Это, правда, было давно. Зачем это надо было делать в девяностые – это другой вопрос.

И оказалось, что без оценки всего советского периода, сталинизма, большевизма, того, что произошло в ходе государственного переворота, невозможно провести даже экономическую реформу. Я этого не понимал. Когда я в самом начале девяностых начал всем этим заниматься, я не видел эту задачу.

Я её слышал от умных людей, но не понимал. Теперь я её понимаю. Это правда, действительно серьёзная вещь и требует самостоятельного рассуждения, но это на самом деле чрезвычайно важный вопрос.

Но проблема наша в том, что современная власть – Владимир Путин, его власть – не хотят с этим разбираться принципиально. А почему? Вот раньше казалось – потому, что боятся, не хотят трогать, нарушить «единство», нарушить ещё что-то. А я думаю, что не в этом дело. А дело в том, что они являются современным продолжением большевизма, более травоядным. Потому что если они начнут разбирать сюжеты, анализировать их и на государственном уровне об этом говорить, то получатся две серьёзные оценки.

Первая связана с Февральской революцией. Это приговор самовластию. Я не знаю, у кого уровень самовластия выше – у нынешнего президента или у Николая II. Но тогда надо об этом говорить: и к чему привело тогда самовластие, и как разрушение настало, и что цены на нефть не всегда будут высокими. А это же всё построено только на этом. И всё это произойдёт, как сказала Татьяна Васильевна Черникова, в один момент. Манихейство. Как оно наступит, сразу – раз! – от хорошего к плохому. «Вы наш любимый». – «Мы вас ненавидим». В один момент. А вторая оценка снова будет приговором. Это – «цель оправдывает средства», «люди – мусор», «ничего не важно». Придумали какую-то Малороссию – и можно убить там сколько хочешь людей, и отсюда пассионариев туда наслать, и вообще отпускиников. Они хотели на пляж ехать, а их туда отправили – и их там поубивали всех. Это можно делать. Какое они имеют значение? А потом можно заняться зачистками, посмотрите – почти каждый месяц. Потому что там люди с оружием и опасные. И они же – как отвязанная пушка. Неизвестно, какие будут последствия потом или сейчас, они же могут вернуться в Россию.

И вот эти оценки две – самовластие и большевизм – если они сработают, то тогда конец. А что с самовластием делать? Кто второе лицо в государстве? Кто третье? Куда? Что? Где решать? В Думе ни одного депутата нет. Один – Володин. Всё остальное – отряд. Мы старались состав депутатов чуть-чуть разбавить – но не разбавляется. И это – приговор. Вот поэтому нельзя давать оценки, анализировать.

А тогда что означает примирение? Примирение означает самосохранение. Вопрос не в наказаниях или «несохранениях», а в том, как это будет для страны. XXI век всё-таки движется, у нас есть возможности, шансы и предмет для диалога с людьми, но нужно постепенно всё рассказывать. Не нужно думать, что это можно за одну минуту изменить. Но в этом и есть политика. К людям надо обращаться, людям надо говорить, рассказывать и объяснять потому что их специально отодвигают от политики.

А когда это делать, если не сейчас? Посмотрите, какой год: 100 лет Февральской революции, 80 лет от начала Большого террора, 100 лет государственного переворота и 100 лет разгона Учредительного собрания. Как будто время нам на тарелке принесло и говорит: «Люди, вспомните, где вы находитесь! Вспомните, что вам нужно делать! Вы урок не получили?» 25 лет – и всё, ничего не удалось, ничего не получилось. Опять холуйство сохранилось, опять собственность условная, всем всё даётся на кормление, у любого можно всё отобрать, любого можно наказать.

Как нужно построить вот эту оценку – государственную, правовую, общественную, политическую, – чтобы она позволила несколько подвести итоги «смутного времени». Думаю, что это справедливо было бы назвать «смутным временем» – вот эти 100 лет.

Тем более что существует такое явление, которое я бы, как экономист, назвал «карго-культ». На острова в Тихом океане во время войны прилетали американцы, и туземцы видели американские самолёты, и привозили всякие товары. Война с Японией кончилась – они перестали туда прилетать. А туземцы стали строить самолёты из тростника, чтобы «большие птицы» опять прилетали и привозили им товары.

Когда мы ходим с айфонами – это вот такой «карго-культ». Мы думаем, что если у нас есть айфоны и вот такие микрофоны, которые делают не у нас (у нас ничего не делают), то, значит, мы такие же, как и в развитых странах. Как сказал один известный профессор: «Мы же хотим молоко без коровы». Мы же не хотим создать общественные отношения, которые дают результаты: порождают айфоны, микрофоны, видеотехнику, всё, что на нас надето. Мы же не хотим создавать такую систему. Мы говорим, что «у нас есть деньги от нефти – мы купим и будем ходить с айфонами», как те туземцы с самолётами из тростника, и думать, что мы такие крутые и великие.

Ольга Малинова:

Я попробую поспорить с Григорием Алексеевичем Явлинским в одном пункте.

Мне кажется, что проблема примирения – гораздо более сложная. Слово «примирение» обязательно должно стоять в общественной повестке. Потому что мы действительно живем в обществе, где у людей очень разные представления о XX веке. Отчасти они – плод пропаганды. Но не только. Плюрализм памятей вполне естествен в стране, с такой историей в XX веке, как наша. Конечным пунктом переживания наследия трагического XX века должно быть что-то вроде примирения.

И потому иллюзорно считать, что если мы сейчас дадим единственно правильную государственно-политическую оценку, все её безусловно примут.

Мне кажется, что у либералов XXI века должно быть ясное понимание того, что у их сограждан может быть иное, не такое как у них, понимание истории. Причем это понимание - искреннее. И совсем не обязательно оно является заблуждением. Просто оно - результат другого опыта. Поэтому надо искать такие форматы обсуждения, в том числе нашего прошлого, которые позволили бы наводить мосты и находить какие-то точки соприкосновения.

Мне кажется, что мы практически обречены на то, чтобы встречать юбилеи, подобные юбилеям этого года, с разными точками зрения и оценками. У нас нет на самом деле надежды на то, что примирение официально состоится. Но я бы за этим словом «примирение» видела что-то большее. Я бы видела в этом далёкую цель, к которой общество и его политики должны стремиться.

Григорий Явлинский:

Я за примирение, я очень этого хочу, но хочу найти основу, фундамент. Я считаю, что, забывая, зачёркивая, замазывая, забалтывая, отодвигая историю XX века, эти 100 лет, мы не получим примирения. Примирения не получится, как у этого человека в Томске, который нашёл все документы, связанные с гибелью родственников, опубликовал их, а потом девушка сказала, что «это были мои близкие», и между ними произошло примирение.

Есть вещи абсолютного характера. Политический террор не может иметь двух оценок. Мне кажется, что где-то надо будет остановиться. Не надо залезать всем в мозги, а потом ещё и в душу. Но надо пройти какую-то дистанцию и сказать, что убивать невинных людей во имя чего бы то ни было, а особенно во имя паранойи, и даже во имя коллективизации, и даже во имя индустриализации, и во имя любое убивать людей, лишать их судьбы, отбирать у них детей - этого нельзя делать ни за что и никогда!

Надо на чём-то остановиться, какие-то вещи назвать своими именами - тогда и появится это примирение. Вот тогда легче будет говорить об Исаакиевском соборе. Тогда легче будет говорить обо всём. Нужно искать фундамент для примирения.

Наш разговор - вот это путь к примирению, чтобы люди видели, что здесь все любят и Россию, и народ. Дело в том, что не может народ жить, как манкурт, не понимая, что было в его жизни. Тогда с ним можно делать всё что угодно. А с ним и делают всё что угодно. Придумали евразийство какое-то. Придумали страну отправить в обратную сторону от Европы. Разорвали общее пространство с Украиной - на этом разрыве потекла кровь.

Я думаю, что и вся наша партия за примирение, и это наша цель. Но мы хотим построить это в реальности, на правде, на ваших знаниях, на вашей работе в том числе.

Юрий Пивоваров

Григорий Алексеевич Явлинский – опытный политик. Он нас увёл от темы Февральской революции, просто переключил программу. Теперь уже трудно говорить о Февральской революции, потому что сказано о вещах более важных, чем то, что было тогда.

По поводу оценок. Я недавно встретил одну хорошую оценку. У писателя Бориса Зайцева (хороший писатель), который оказался в эмиграции, спросили: «А что вы можете сказать про революцию и постсоветскую Россию?» Он одним словом сказал: «Зверство». Вот и вся оценка.

А что касается примирения, то я, например, не согласен примиряться с Лениным, Троцким, Сталиным и с теми, кто их сейчас продолжает... Григорий Алексеевич Явлинский прав: большевистская революция продолжается на самом деле, только в совершенно других формах.

А теперь – всё-таки по поводу Февральской революции. Очень важные вещи говорила Татьяна Васильевна Черникова. Надо иметь в виду, что после Петра Великого Россия не была единой страной. Это была страна двух субкультур, абсолютно враждебных: европеизированной, из которой вышли Александр Пушкин, Петр Чайковский, Павел Милюков и так далее, и традиционалистской. Февральская революция, всё это эмансипационное движение – это были дела вот этой субкультуры, не более того. От Радищева и декабристов до... 14 декабря 1825 года: Петербургский гарнизон восстал – потерпел поражение. А в конце февраля 1917 года он восстал и победил.

Но это были дела нескольких миллионов человек. 5%, вы говорите? Туда, кстати, входили и цари, и бюрократия, и либералы, и общественники. Это были люди одной культуры. В России уже была нормальная революция 1905–1907 годов, которая закончилась компромиссом между короной и обществом.

Вы говорили про основные законы Российской империи в редакции 23 апреля 1906 года. Это была Первая русская конституция. Но какая это была конституция? Реализация плана Сперанского, который он написал по заказу Александра I в 1809 году. В чём там была «фишка», как говорит молодёжь? Система разделения властей была, но одна фигура не была туда вписана – государь-император.

Что происходит потом? Летом 1917 года юристы Учредительного собрания пишут новую конституцию для Учредительного собрания. Она совершенно не была готова. Остались её фрагменты, я их видел. Какая это была конституция? Президент избирается на семь лет, никакого царя – ни конституционного, никакого. На семь лет избирается, как потом в Веймарской Германии. Верхняя палата парламента – Совет Федерации. Нижняя палата парламента – Государственная Дума. И правительство, ответственное перед президентом.

Когда после расстрела Белого дома я в «Комсомольской правде» я прочитал проект конституции 12 декабря 1993 года, я чуть со стула не упал (потому что я как раз Сперанским занимался и всю эту историю знал), потому что это абсолютный римейк идей Сперанского, конституции 1906 года, проекта конституции 1917 года и того, что написали юристы. Я Сергея Шахрая спрашивал, одного из авторов: «А ты знаешь? Ты юрист всё-таки. Ты читал?» Говорит: «Нет. Ни я, ни Сергей Алексеев, ни Анатолий Собчак». То есть тут сама историческая почва сработала.

Пока мы не уйдём от этой модели: Совет Федерации, Государственная Дума... Там, кстати, был и Судебный Сенат, как Конституционный Суд. Он мог отменять любое решение, а его решение никто не мог отменить.

Дума избиралась с 1906-го по 1917 год. А сейчас она не избирается, а назначается. Половина Госсовета, высшая палата парламента избиралась. А сейчас Совет Федерации не избирается. И Конституционный Суд не действует. А тогда Судебный Сенат действовал.

Пока мы не уйдём от этой модели (властечетрической), у нас ничего не получится, сколько бы мы ни говорили что «конституция, законы для России не важны. Пока есть эта система, она нам абсолютно не даёт двигаться вперёд. Надо её менять.

18 сентября прошлого года для меня – это был один из самых тяжёлых дней моей жизни. Я был абсолютно убеждён, что ваша партия пройдёт. Но, во-первых, как всегда, не все вместе были, как и в 1917 году, не понимая, что нужно вообще всё забыть, другого шанса не будет. Многие из интеллигенции говорили: «А зачем участвовать в этих выборах?» Это говорит о том, что у нас мало шансов. У нас нет ответственности, социальной ответственности. Если бы 18 сентября хотя бы три человека, пять человек прошло, то это была бы совершенно другая ситуация.

Грядёт 2018 год – сейчас опять что-то начнётся. Есть единственный вариант. Я согласен с Сергеем Ковалёвым и Виктором Шейнисом, с тем, что я читал в «Новой газете». Должен быть один кандидат. Это не потому, что мне приятно вам это говорить. Я абсолютно убеждён, что опять начнётся: эти сюда, эти туда, на одной фигуре не сговорятся, кто-то не придёт голосовать. И опять будет нам 1,9%. Наш кандидат от 14% мог бы стать кандидатом во втором туре, если посчитать и прикинуть. Второе место в нынешней системе – это мощнейший прорыв!

Что ещё важно знать? Почему произошла революция в 1917 году? В 1893 году политтехнологи Александра III уговорили его. Народ, традиционалистская община каждый год делила землю (кстати, «Мёртвые души» на этом построены). Ему сказали: «Пора заканчивать, потому что сельхозкультура не растёт.

Надо раз в 12 лет». 1905 год - передел земли. 1917 год - передел земли. Армия понимала - 10 -11 миллионов мужиков: «Сейчас у меня в Нижегородской губернии будут землю лучшую брать Иван и Пётр, а мы здесь с Василием сидим. Пошли!»

А почему Иосиф Сталин начал коллективизацию в 1929 году, а не в 1928-м и не в 1930-м? Чтобы стравить во время традиционного передела. Столыпин же проиграл, в 1918 году состоялась общинная революция - всё вернулось в общину. Столыпин, к сожалению (это великий человек, замечательный либеральный деятель), но проиграл. Общинная революция 1917-1918 года смела все столыпинские реформы! И община в двадцатые годы стала модернизироваться. На этом строили свои идеи Александр Чаянов, Николай Кондратьев - что община может модернизироваться в какую-то кооперацию, в какие-то, новые формы общности. Но это было убито. Двадцатые годы были очень неплохие для русского сельского хозяйства. Оно восстановилось очень быстро - быстрее, чем промышленность. Поэтому туда и полезли.

Надо знать эти глубинные вещи - как опасно устраивать какие-то либеральные революции в год передела земли. Передел земли был похож - как вы описывали, на девяностые годы, только уже не землю делили, а что-то другое. Уроки Февраля - это уроки адекватной попытки понять, что же происходит, какие существуют проблемы.

А что касается примирения, то с моей стороны его никогда не будет. С кем мириться? С убийцами? Действительно, Россия блистательно развивалась! Есть один только показатель - вклады в сбербанки, и кто их туда делал. Это не только богатеи, не только Милюковы и Гучковы. Они держали в каких-то банках, и это были неплохие банки и банковская система.

Мы говорим про революцию 1917 года. До революции 1917 года в судах - 25% оправдательных приговоров. Сейчас - 0,25 или 0,025. Вы говорите, что никто не воровал. Да такое в голову не могло прийти! Потому что к концу XIX века та коррупция, то воровство, описанное Гоголем и миллионом других замечательных писателей было ликвидировано. Были, конечно, выродки, какие-то нечестные люди, но в принципе всё на этом закончилось.

Константин Морозов:

Мы не должны перегибать палку ни в одну сторону. С одной стороны, мы не должны идеализировать прошлое, с другой стороны - не должны видеть в прошлом только негативное. Мы должны анализировать противоречивые явления и тенденции в их многообразии, не нарушая при этом принцип историзма.

Прошлое безумно противоречиво и неоднородно, имеет разнонаправленные тенденции развития как любое сложное общественное явление и сегодня.

Но общими государственно-правовыми актами о том как нам относиться к тому или ином сюжету нашей истории проблему нашего отношения к прошлому не решить. Этот путь – достаточно административный. Он привлекателен для части людей, которые по самым разным поводам считают, что прежде всего нужен правильный закон, и этим всё решается. Но ведь историкам и так ставят в вину, что на протяжении только одного века оценки ее ключевых событий менялись несколько раз. Это дает повод обвинять историю как служанку политики и не видеть в ней науку. Выход не в том, чтобы принять государственно-правовой акт с оценками нашей истории, который будут подвергать публичной критике все с ним несогласные. На мой взгляд, выход из ситуации в повышении культурного уровня нации, очень серьезная историко-просветительская деятельность, умение в диалоге находить какие-то общие точки зрения. Не всё совпадёт, нельзя примирить непримиримое, это правда, но вот раздрая до такой степени и такого количества разных подходов со временем станет ощутимо меньше. Но это длительный и своего рода естественный процесс и главное, что результат этого диалога большая часть общества признает как свое собственное видение, а не навязанное ему декларацией сверху, какой бы правильной она не была.

Я иногда включаю телевизор минут на десять, больше я не выдерживаю. Вы посмотрите, по какому поводу и как ругаются на ток-шоу. По любому поводу ругаются с пеной у рта, даже не пытаюсь услышать и понять аргументы другого. Нужно учиться слышать друг друга, соглашаться с тем правильным, что говорит твой оппонент. Ведь общественная и историческая реальность крайне противоречива и люди часто имеют собственную правду. Как в том старом еврейском анекдоте, когда раввин пытался примирить две спорящие стороны, он сказал: «Ты прав, Абрам». Сосед возмутился. Он сказал: «И ты прав». Тут возмутилась его жена, сказала: «Ну, как же так? Они не могут быть правы оба». Он сказал: «И ты права, Сара!»

Мне представляется, что ни дореволюционное общество, ни советское общество нельзя мазать одной (белой или черной) краской, это всё значительно сложнее. В идеях и устремлениях значительной части, как тогда говорили, «советского народа» было много идей и социальной справедливости, и торжества активной личности – то есть идей французского Просвещения. Другое дело, что сама практика быстро разошлась очень далеко со словами. Мы это видим, когда некоторые люди сегодня не хотят видеть реальную практику советской власти, часть которой сильно противоречила ее декларациям, а также последствия этой практики и часто просто оправдывают ее.

Также, на мой взгляд, вредно идеализировать предшествующий дореволюционный период, например, идеализировать Столыпина. Почитайте воспоминания С.Ю.Витте. Несмотря на то, что между ними была конкуренция и ревность, мы не можем игнорировать критику Витте Столыпина за то, что он неверно стал вести аграрную реформу, за военно-полевые суды, за то, что он проводил некоторые решения в изъятие основного закона: «Можно сказать, что Столыпин был образцом политического разврата, ибо он на протяжении 5-ти лет из либерального премьера обратился в реакционера, и такого реакционера, который не брезговал никакими средствами для того, чтобы сохранить власть, и, произвольно, с нарушением всяких законов, правил Россией».

Вот еще одна оценка Столыпина и стиля его управления, данная С.Ю. Витте, в его мемуарах : «Покушение на жизнь Столыпина, между прочим, имело на него значительное влияние. Тот либерализм, который он проявлял во время первой Г. Думы, что послужило ему мостом к председательскому месту, с того времени начал постепенно таять, и в конце концов, Столыпин последние два-три года своего управления водворил в России положительный террор, но самое главное, внес во все отправления государственной жизни полнейший произвол и полицейское усмотрение. Ни в какие времена при самодержавном правлении не было столько произвола, сколько проявлялось во всех отраслях государственной жизни во времена Столыпина; и по мере того, как Столыпин входил в эту тьму, он все более и более заражался этой тьмой, делаясь постепенно все большим и большим обскурантом, все большим и большим полицейским высшего порядка, и применял в отношении не только лиц, которых он считал вредными в государственном смысле, но и в отношении лиц, которых он считал почему бы то ни было своими недоброжелателями, самые жестокие и коварные приемы».

Не уверен, что нужно навязывать волю крестьянству, ломая его через колена и идеализировать деятельность тех, кто это делает. И не важно, кто это делает – Столыпин или советская власть при проведении коллективизации. Я ровно так же не уверен, что надо было навязывать волю и неволю миллионам людей, даже не пытаясь с ними говорить начистоту, в девяностые. Я вообще не уверен, что людям надо что-то навязывать, считать их средневековыми пережитками вместе с их идеями. Хотя, наверное, средневековых пережитков действительно много, но с людьми, на мой взгляд, всё-таки нужно говорить, а не манипулировать ими и не навязывать свою волю искусственно. И, на мой взгляд, это желание проведения во что бы то ни стало своей политической линии (в том числе и в сфере истории), которая характерна для очень многих прямо противоположных политических сил, – и есть очень серьёзный пережиток авторитаризма, средневековья, который нужно изживать.

Людей надо просвещать и нужно находить как можно более безболезненные пути их адаптации в новую реальность. Нельзя людей ломать через колено. Нельзя распоряжаться их судьбами, перечёркивать их ради сохранения самодержавия, или коллективизации, или ради либеральных реформ. На мой взгляд, это тот вывод, к которому должно тоже прийти наше общество.

Леонид Млечин:

Я видел в 1991 году, когда миллионы людей выходили на улицы, и все решили, что люди вышли за демократию, за свободу. Да они просто радовались, потому что начальство исчезло! «Боже мой, какой счастливый момент! Только что они нами помыкали, было так много начальников, а сегодня уже нет никого!»

И такой счастливый момент был тогда, в марте 1917. Они ходили, обнимались. Этими замечательными свидетельскими показаниями мы владеем. Либералами и не пахло. Генералитет, который заставил императора уйти, – уж их точно либералами не назовёшь. Михаил Родзянко, что ли, либерал? Разве Александр Гучков с Василием Шульгиным были большими либералами? На следующий день там началась революция. Тогда началось нечто совершенно невероятное, что так трудно описать, потому что похоже на извержение лавы. Как вот описать каждую частичку этой извергающейся из вулкана лавы?

Я, единственное, хотел ещё поблагодарить Григория Алексеевича Явлинского за возможность его услышать, потому что бедность нашей духовной и политической жизни очень заметна, когда такой яркий и самостоятельный политик лишён возможности высказывать это в Государственной Думе. Я понял, что я могу уйти отсюда большим оптимистом, чем пришёл, потому что Татьяна Васильевна Черникова очень хорошо рассказала: с XV по XXV век мы не очень преуспели в модернизации. Встретимся здесь лет через триста-четыреста – и мы просто не узнаем свою страну!

Олег Будницкий:

Мы, глядя из века XXI, тоже видим, что в 1917 году у нас 90% населения – это сельское население, что у нас большая часть населения – неграмотная или малограмотная. 5% получили кадеты на выборах в Учредительное собрание. 28 ноября 1917 года партия кадетов была объявлена партией «врагов народа». И этих в условиях они всё-таки 5% получили. И элита на самом деле – это 1-2%. Это люди, многие из которых вместе учились, иногда вместе служили, они друг друга знали.

Раскол элит был одной из тех причин, которые и привели к тому, что в эту расщелину хлынула эта средневековая масса. У многих крестьян были очень

своеобразные представления, практически средневековые. И это очень долго ещё продолжалось. Я читал дневник московского инженера времен Великой Отечественной войны, добровольца. Дело происходило в солдатском подготовительном лагере, там было ужасно голодно, 1942 год. И там один солдатик из Вятской, то бишь Кировской области, говорит: «Да лучше бы меня убили сразу, чем так мучиться...». Автор дневника говорит: «Ну, как же так? Надо же защищать Родину. Гитлер придёт и...». Солдатик: «К нам Гитлер не придёт, у нас нечего взять». Это абсолютно средневековое мышление. Там ещё не ночевала никакая советская идеология.

Говоря о том периоде, которым я занимаюсь в большей степени (Второй мировой войны), хочу показать, как недалеко многое ушло. Например, девушек из Латвии, доброволок, в 1941 году до призыва в армию отправили в Горьковскую область поработать в колхозе. Они - идейные комсомолки, и они поют советские песни: «Широка страна моя родная» и другие, а в селе их не знают. Как же так? Им сельчане отвечают: «А мы таких длинных песен не поём». Они просто их не знают. А сейчас представляется, что вся страна пела эти песни. Но у них же радио нет. И это - после «культурной революции».

В 1959 году СССР стал буржуазной страной (в прямом смысле этого слова), когда численность жителей бургов - городов - превысила численность сельского населения. Это - другая цивилизация. Хрущёвская жилищная революция - это колоссальный сдвиг. Это - кухня, на которой можно что-то обсудить, место, где можно послушать, страшно сказать, «голоса».

Когда в 1990 году, 4 февраля, если мне память не изменяет, была первая разрешённая демонстрация в Москве, я там случайно прочитал объявление на остановке, написанное от руки или машинописное, с призывом идти на демонстрацию в поддержку демократии, что-то такое. Не было никаких интернетов, компьютеров, радио «Эхо Москвы». Сбор был у Крымского моста. Я думал: «Сколько людей придёт? Несколько сотен, наверное». И вдруг - совершенно невероятная толпа! 400.000 человек по позднейшим оценкам. Демонстрация разрешена на 30 тысяч человек с митингом на Пушкинской площади, а оказывается, что Пушкинская площадь всех не вмещает. И уже на ходу перестроились, и люди пошли на Манежку. Это было потрясающее впечатление. Думаю, люди так себя чувствовали в 1917 году, в эпоху революционной «весны» и надежд. И люди были совершенно другие - не те, которые в метро, которые друг друга толкают, ругаются. Это были другие люди, с другими лицами.

Идёт мужичок, у него на лацкане пальто (4 февраля) бумажечка - перечёркнутая шестёрка. Не все сейчас, наверное, понимают, что это такое. Это 6-я статья Конституции о руководящей и направляющей роли Коммунистиче-

ской партии. С ним – сын, мальчик лет 12, у которого на лацкане приколото то же самое. Казалось, не будет 6-й статьи – и наступит счастье.

А потом не только 6-й статьи, но и Коммунистической партии Советского Союза не стало. И счастье вроде наступило. Я не шучу. Если говорить об историках – это было профессиональное счастье, невероятная удача. Правда, к удаче надо было быть готовым. Однако счастье не стало ни всеобщим, ни немедленным. Более того – многие сейчас воспринимают произошедшее тогда с обратным знаком, как несчастье. Потому что свобода – это, оказывается, только свобода. Бублики с неба не посыпались. Стал важен момент личной ответственности и многие другие вещи. Выяснилось, что наше абсолютно, тотально грамотное, образованное население во многих вопросах функционально неграмотно или малограмотно, не знает, как этим пользоваться.

Всё-таки скорость развития нашего общества гораздо выше, чем раньше. Оно ускоряется. Не надо выносить за скобки современные технологии. И хотя Интернет такое же средство просвещения, как и оболванивания... Ещё неизвестно, чего в большей степени... Но ситуация не совсем безнадежная, я полагаю.

Что касается примирения. Есть, с одной стороны, идейные расхождения. Но что было позитивного у той Думы? Люди были непримиримыми политическими противниками, но это не означало – за исключением, может быть, Гучкова, который на дуэлях дрался постоянно, что они должны глаза друг другу выцарапать. Я опубликовал переписку Маклакова с Шульгиным: диаметрально противоположные политически были люди, которые могли между собой говорить и что-то обсуждать. И přátельствовать за пределами политической сферы. Вот этой политической и общей культуры сейчас в колоссальной степени не хватает. Если бы это было, то, я думаю, мы бы всё-таки вперёд пошли гораздо быстрее.

Общаясь регулярно со студентами, я как-то подпитываюсь живыми токами, от них идущими. Они другие, это то поколение, которое не знало несвободы. Или во всяком случае той несвободы, в которой выросло поколение советских людей, до сих пор определяющее политику в нашей стране.

Владимир Булдаков:

В наших разговорах постоянно возникает такая мысль: «Вот было хорошее прошлое, а стало хуже». Нельзя идеализировать прошлое. Ни в коем случае, упаси Бог! Например, сегодня Николая II принято идеализировать. А он, с одной стороны, в свое время говорил: «По закону надо поступать». С другой стороны, он законов не знал. А с третьей стороны, он вообще ничего не делал, когда нужно было что-то делать. Это так, штрих к нашему прекрасному прошлому.

И ещё другой штрих – свободы. Да, были свободы. А вы знаете, что в последней книге, которую мы вместе с женой написали, «Война, породившая революцию», основой документальный ряд – материалы перлюстрации писем в годы войны. Как вы думаете, кого там перлюстрировали? Епископов, министров. Всех подозрительных. Революционеры там составляют незначительную часть. Что любопытно? Власти буквально всё знали. Знали, что народ говорит о революции в годы войны. Вообще с нашей властью периодически происходит интересная вещь: она слепнет, глохнет, реальности уже не замечает, уже ничего не может делать и существует в силу инерции. Это – к вопросу о нашем непредсказуемом прошлом.

Но что для меня совершенно очевидно? Я этому посвятил одну книгу, правда, самую маленькую, посвященную повторяемости нашей истории. Книга называется «Quo vadis? Кризисы в России. Пути переосмысления». Я начинал со Смутного времени, затем 1917 год, ну и конечно, 1991 год – и всё сопоставлял. Я выстроил схему, условную, конечно. О повторяемости в истории писал. Разумеется, не я первый. О том же писали, кстати сказать, после революции: «Вообще-то, это не революция, а это новая Смута». Я свою книгу так и назвал – «Красная смута».

И кто же пришел к таким выводам? Пётр Струве – правый либерал, в прошлом сподвижник Ленина, личность противоречивая, но человек талантливейший. Тимофей Локоть – депутат III Государственной думы, профессор, правда, не обществовед, а почвовед, в прошлом социалист, жуткий антисемит, почти черносотенец. Кто ещё был в этой пестрой компании? Был Давид Пасманик, сионист. И все видели перед собой не обычную революцию, а смуту – «красную» смуту.

Вопрос: почему это происходит? Здесь я вспомнил Фукидида. Он писал о повторяемости в истории в силу неизменности человеческой природы. Все просто. Что из этого следует? Какая мораль? Все ясно: любая система меняется на клеточном уровне. Меняется человек – изменится система. А что делать? Добиваться, чтобы человек изменился. А это достигается образованием. Задача не политическая, а образовательная. Настоящий прогресс связан только с этим. Профессиональные политики должны это знать и чувствовать.

Тут говорили, что в 1917 г. к власти люди честные пришли, а коррупции в предреволюционной России вообще не было. Извините, в годы Первой мировой войны такое творилось! Вагонами, составами крали! Это при Николае II. Во Временном правительстве были люди поприличнее. Но они были доктринерами, а не практиками. Они как-то о богатстве не думали, какие-то другие были ориентиры. Но при них злоупотреблений также хватало. Так что с коррупцией было не всё так просто.

Ну и последнее, перефразируя известную поговорку: «Если не хочешь реформ – готовься к революции». Заколдованный круг! Я в своё время писал, что «мы наступаем на грабли, которые коварно притаились в траве забвения». Почему наступаем? Всё потому же: слепнет власть, сами мы слепнем, хотим всего сразу, работать не хотим.

Кстати сказать, наша революция в некоторых своих проявлениях была не самой страшной. Что касается некоторых проявлений революционного насилия, то французов мы не переплюнули. Там людей пилили и тут же публично поедали. У нас тоже гвозди в пятки крестьяне забивали, но «прогресс» некоторый был. «Культура насилия» была ограничена общинной традицией. «Отморозков» было не столь много.

Юрий Пивоваров:

Я хочу сказать, что Владимир Прохорович вводит нас в заблуждение. Специально или нет? В его гениальной книге «Красная смута» (я всем рекомендую, это лучшая книга о революции, безусловно, номер один) десятки страниц посвящены описанию низового народного террора. Я когда впервые читал эту книгу ещё в маленьком варианте, я чуть не упал, когда я прочёл, как людей варили на Украине. Он там страшные сцены приводит просто, десятки страниц!

Татьяна Черникова:

Мне кажется, что сейчас самое то время, когда надо поставить вопрос об ответственности элит за то, что происходит в стране. Потому что понятно, что проблема страны – в незаконченной модернизации. Но тащить за собой страну, в общем-то, могут именно те элементы, которые уже в будущем, а не в прошлом.

Например, сейчас меня немножко пугает кликушество, всякого рода православные активисты, которые врываются в музеи, – ведь всё это дозволяется. Значит, за этим есть некий курс, что мы поставим опять именно на эту, скажем так, малообразованную публику. Хотя опыт революции говорит, что она не спасла в 1917 году. Николай и ставил-то на них, и был уверен именно в них. Но мы всё-таки в XXI веке, значительная часть народа находится либо всё-таки уже в Новейшем времени, либо где-то наполовину. И поэтому должно быть сознательное воспитание в духе современности.

И настоящее современное образование, в данном случае, тоже должно быть. Меня очень радует как раз современное поколение. Оно даёт надежду, если опять-таки мы, которые уже, в общем-то, находимся в какой-то степени в положении тех, кто определяет их будущее, будем вести себя тоже достойно.

Потому что с профессиональным долгом в стране, в общем-то, не очень высоко, а с моральным – мне кажется, еще хуже.

Если ставить вопрос о том, на чём мы можем примириться, то, наверное, как раз надо говорить о той системе ценностей, которая для всех действительно будет понятна – причём в данном случае даже для многих тех, кого мы считаем своими противниками. Объяснить то, что никакие победы, никакие индустриализации, никакая даже, так сказать, Победа во Второй мировой войне (а некоторые её приписывают вот этой мобилизационной, страшной тоталитарной системе) не могут оправдать тех жертв, которые страна понесла.

И я, честно говоря, сегодня весьма счастлива, что познакомилась с Кириллом Михайловичем Александровым. Объясню – почему. Потому что вот он – тот человек, который поднимает очень опасную тему (проблему коллаборационизма во Второй мировой войне) для того, чтобы мы знали реальную историю. Никто ведь не отнимает нашей Великой Победы. И действительно, это то, чем мы должны гордиться. Но, кроме 900 тысяч партизан и подпольщиков, у нас было ровно столько же разного рода коллаборационистов. Никто их не оправдывает, но вопрос «Почему они были?» должен быть поставлен.

От этого вопроса мы как раз тогда уйдём в сторону 30-х годов и в сторону того, что породила эта революция. Знаете, крокодил, когда рождается, он тоже очень маленький, и его кто только не поедает. Но когда он вырастает, то это страшное животное. И вот оказалось, что как раз из Октябрьской революции вышла тоталитарная система, которой, конечно, должна быть дана жёсткая оценка. Григорий Явлинский говорит, что она должна быть государственная. Дело не в этом. В головах не то, что говорит государство. Она должна созреть в головах людей, снизу. А вот это выстраивается культурной политикой, школой, свободным университетом, свободным научным сообществом, которое в споре между собой к каким-то выводам приходит. И вот тогда действительно мы, в общем-то, примиримся и точки над «i» в нашем прошлом расставим.

Я не против того, что государство должно дать оценку. Я просто говорю о том, что этого недостаточно, чтобы окончательно вопрос был решён. Вот тут упомянули Сперанского и его проект, где Александр I действительно стоял над разделением властей, внизу всё разделение властей было. Почему сделал Сперанский такой странный жест? Дело в том, что за этот проект (на самом деле что и произошло) Государственный Совет не проголосовал, большинство элиты было против этого. И у Александра I, у Сперанского была одна надежда – что с помощью самодержавия они сверху продвинул этот проект. И действительно эпоха Александра – всё-таки это такая либеральная эпоха. Но царь задавал тон, общество шло (как, кстати, и за Екатериной II), всё очень либерально.

Когда не происходит революция в головах, приходит другой царь - Николай. Не удалось Александру переломить упорство матушки - Мария Фёдоровна не дала Александру I поместить в открываемый лицей Николая и Михаила. А так бы они вместе с Пушкиным там растились, и кто его знает, что бы произошло. Ей казалось, что это унижение царских детей. Ну, вот Николай вырос другим. И посмотрите, как быстро дух Александра I ушёл из нашей жизни. И вот это тридцатилетие, крайне заикленное на одну личность, такого личного самодержавия. Ключевский вообще считал, что мы в николаевское тридцатилетие опоздали навсегда. Решения сверху даже в такой системе, как наша, где власть, в общем-то, играет очень большую роль, не решают наших проблем.

Надо мной подхихикивали, что «через 300 лет соберёмся и у нас всё будет здорово». Вот как раз в данном случае я тут как пессимист хочу сказать, что, видимо, у этой конструкции уже нет этих 300 лет, что реформа должна всё-таки, иначе конструкция просто не состоится. Даже Великий Рим в конце концов закончил своё существование, хотя он был гораздо глобальнее как цивилизация, чем то, что имеем мы.

Поэтому если мы сейчас не сумеем преломить, не проведём своевременную правильную политическую реформу, то произойдёт действительно революция. Но в России лучше революций избегать, учитывая опыт первой Смуты первой. Поэтому лучше не доводить до революции. Но вот когда тормозят политическую реформу, когда власть не успевает решить свою задачу, кончается всё вот такой катастрофой. И последняя катастрофа просто может уже стать просто системной и последней.

Кирилл Александров:

Коллеги коснулись многих других тем и сюжетов, вероятно, это естественно, но хотелось бы вернуться к Февралю. Что ровно 100 лет назад в это время происходило? 1 марта по старому стилю. Император Николай II приехал в Псков, и у него вечером начинался тяжёлый и непростой разговор с Главнокомандующим армиями Северного фронта генералом от инфантерии Николаем Владимировичем Рузским. Прошу заметить, ни о каком отречении царя от престола речи ещё не шло. Рузский пытался убедить государя, чтобы он согласился наделить Думу правом формировать кабинет министров, дать так называемое «ответственное министерство», правительство, ответственное перед Думой. Хотя сейчас очевидно, что в тот момент - вечером 1 марта - даже это требование безнадежно опоздало.

Несколько часов Рузский будет уговаривать монарха. Уговорит. И вопрос об отречении встанет только ночью следующих суток в переговорах Рузского

с Родзянко, когда Родзянко по смыслу скажет примерно следующее: «Династический вопрос поставлен ребром. Спасайте наследника и монархию в России. Государь должен отречься ради сохранения престола за сыном и монархии как социально-политического института». Для шокированного Рузского такая постановка вопроса станет абсолютной неожиданностью, ведь генералитет не предполагал никакого отречения. Максимум, о чем рассуждали генералы, это то самое «ответственное министерство». К сожалению, не могу согласиться с тезисом уважаемого Леонида Михайловича Млечина о том, что генералитет заставил царя отречься, вырвал отречение – на мой взгляд, это не соответствует действительности. Генералы были поражены не в меньшей степени, чем Рузский, но, высказываясь за отречение Николая II в пользу цесаревича Алексея, считали это меньшим злом, по сравнению с угрозой гражданской войны в тылу, которая разрушит фронт и действующую армию.

По поводу выборов в Учредительное собрание. Считаю нужным отметить несколько важных деталей. В выборах в Учредительное собрание участвовали 36,3 млн выборщиков, чуть более 50 % избирателей. В огромном большинстве не участвовал правый и праволиберальный электорат. В некоторых регионах уже началась гражданская война: на Дону, на Кубани, в Оренбуржье. Уже существовала «Алексеевская организация» на Дону, которая чуть позже будет переформирована в Добровольческую армию.

Кстати, это еще один юбилей, о котором Григорий Алексеевич Явлинский не упомянул. Кроме 100-летия Октябрьского переворота, 100-летия разгона Учредительного собрания, будет еще и 100-летие создания Белого движения в России. Именно Белое движение и было единственной альтернативой большевизму и большевикам в годы гражданской войны. Для меня субъективно эта альтернатива воплотилась в несостоявшемся «русском Тайване», как иногда называют врангелевский Крым 1920 года. Правительство Юга России возглавлял Александр Васильевич Кривошеин – один из выдающихся государственных деятелей начала XX века, организатор столыпинской аграрной реформы.

Здесь можно перебросить мостик к мнению уважаемых Юрия Сергеевича Пивоварова и Константина Николаевича Морозова, которые говорили о провале столыпинской реформы, о том, что Столыпин был сметён. Категорически не могу с этим тезисом согласиться. Стакан скорее наполовину полон, чем пуст. И столыпинская реформа дала значительный эффект. Проводил её собственно не Столыпин, а Кривошеин, занимавший должность Главноуправляющего земледелием и землеустройством. Стоимость фондов сельского хозяйства выросла с 11,8 млрд. золотых рублей в 1908 году, до 13,1 млрд. в 1913-м. Если в 1908 году насчитывалось 2810 агрономов, то в 1913 – 9935. В 1888–1898 годах средний сбор

зерновых в европейских губерниях составлял примерно 512 кг с га, а в 1909–1915 годах – почти тонну. В 1913 году, по сравнению с концом XIX века, совокупный ежегодный урожай страны вырос почти в два раза. В 1911–1915 годах, по сравнению с 1901–1905 годами, посевные площади составили 114 %, поголовье лошадей – 109,6 %, свиней – 117,4 %. В урожайном 1913 году избытки товарного хлеба (после вычета семенных, кормовых и потребительских фондов) почти достигли отметки в 21 млн тонн. К 1 января 1916 года в 40 европейских губерниях с общинным строем ходатайства о проведении землеустроительных мероприятий, в результате которых происходило обособление от сельского мира, поступили от 6,1 млн (47 %) домохозяев. Комиссии успели провести землеустроительные работы для 3,8 млн домохозяев (62 % от числа подавших ходатайства). Учитывая древнюю традицию российского землепользования, это был заметный итог и явное движение с места. Одновременно убывало и помещичье землевладение, сократившееся округленно с 58 млн га до 48 млн га за 1906–1915 годы. За 8 лет – при расчёте реформы на 25 лет – программе Столыпина и Кривошеина просто не хватило исторического времени, она слишком поздно началась. И Столыпин или Кривошеин никого не ломали ни через какое колено, а речь шла о том, что домохозяин впервые получил право выбора: либо пребывание в общине, либо самостоятельное хозяйствование. К 1918 году в России уже не существовало власти, которая защищала крестьянскую собственность на землю. То есть это не результат «неудачи» столыпинской реформы, а результат исчезновения той власти, которая – с историческим опозданием – поставила своей целью создание прочного хозяина на земле.

Прошлое не нужно ни в коем случае идеализировать, в том числе, конечно, прошлое императорской России. Российская империя была проблемной страной, эти проблемы привели к революции, но это совершенно не исключает положительного тренда развития. Такой вектор, на мой взгляд, был.

Одна из главных проблем царской России – это низкий уровень образования и культуры основной массы населения. Но не единственная. Когда Кривошеин в октябре 1915 года уходил в отставку, он сказал своим сотрудникам: «Наши усилия оказались плодотворными, потому что в них была заключена идея укрепления в русской деревни собственности – этой всемирной опоры хозяйства, культуры, свободы и порядка». Идея создать в России мелкого собственника была совершенно правильной, только она слишком поздно начала реализовываться русской исторической властью. В этом её грех.

Кроме книги «Красная смута», я бы порекомендовал еще исследование «Социология революции» Питирима Сорокина. Она была переиздана в 2005 году и весьма показательна с точки зрения последствий и результатов русской революции.

Совершенно не предполагал, что возникнет вопрос о других темах, но скажу еще буквально несколько слов. Коллаборационисты – это не просто граждане СССР, сотрудничавшие в разных формах с противником. Их не посчитать. Но остается фактом, что во время войны с Германией на стороне противника несли военную службу в разном качестве примерно 1 млн 150 тыс. советских граждан. К ним можно еще добавить примерно 13–14 тыс. русских эмигрантов, преимущественно бывших чинов Белых армий и их детей. И корни этого явления, возможно, уходят даже не в 1930-е годы уходят, а чуть ли не в конец XIX века. Это связано с обстоятельствами жизни этих людей, участием в Первой мировой войне, революции, гражданской войне, с условиями социальной среды и другими причинами.

Григорий Явлинский:

В Учредительном собрании участвовало 54% избирателей. Ну, вот сейчас в Госдуме – 35%... 33%. Там война была. Что тогда творилось, что тогда происходило? Как вы нам объяснили, был низжайший уровень образования, никакого телевизора не было. Интернета не было. Телефона не было. Радио не было.

Раньше говорили: «Будет радио – будет счастье». Радио есть – а счастья нет. Радио не было, ничего не было, а выборы состоялись. Что у людей было в головах, если 54% избирателей при общем избирательном праве, все старше 20 лет голосовали. Хаос полный, война идёт, война проигрывается, в Петербурге хаос, почти началась Гражданская война, а люди идут, голосуют и избирают. И это в России, где ничего подобного никогда не было.

Отсюда я перехожу к следующему вопросу. Леонид Михайлович, а вот если по-серьёзному, вы в 1984 году когда прогнозировали окончание КПСС? Вообще никого не было, кто предвидел перемены.. Я специально выбрал именно КПСС. В 1984 году Афганистан, «Боинг» сбили южнокорейский. Никто ничего не мог представить. Происходит крупнейшее событие XX века, самое крупное – огромный народ огромной страны добровольно, в целом бескровно отказывается от советской коммунистической системы. Это с чем сопоставимо? На основе чего? На основе текстов, на основе размышлений.

Мало того, одну вещь сделал Горбачёв. Он почему-то принял решение, что если люди публично говорят то, что они думают – правду, неправду, я не говорю (никто не знает, что правда), но то, что думают, – их не надо расстреливать, сажать в тюрьму и, более того, увольнять с работы. Этого оказалось достаточно. И при том уровне образования, который тогда был... А он, в общем-то, с точки зрения просвещения, был в части гуманитарных наук гораздо более ограниченный, чем возможно. И такой круглый стол вряд ли можно было в 1983 году

Вот нас смотрят люди. Дайте возможность сейчас людям, к примеру (сейчас никто не даст, но «если»), говорить то, что они думают – так этой системы через год не будет. И необязательно это будет с кровью и в виде переворота.

Здесь несколько раз подчёркивалось – образование. Так политика и образование – это ну просто одно и то же, в смысле защиты интересов власти. Ну, что сейчас с Академией наук происходит? То, что они сделали с Академией наук – как однажды было сказано, это «налёт янычар на женское общежитие» произошёл. Академия наук пошла просить у КПРФ защиты. КПРФ, как всегда, им дала землю, фабрики и заводы. И кончилось тем, чем кончилось. А когда на это смотрят, говорят: «Давай дальше, гони их дальше. Гони их дальше! Сейчас переделаем учебники истории. Сейчас будем учить вкратце Толстого, выкинем из программы Достоевского – и всё.»

Поэтому для нашей партии политика в области образования, и политика относительно образования и свободы образования, и просвещения, одна из главных, фундаментальных целей, которая перед нами стоит. Потому что для нас самое главное – не допустить революций, не допустить насилия, не допустить бунтов.

А противоречие заключается в том, что тот путь, по которому сегодня идёт политически Россия, не существует. Мы идём по пути, которого нет. Мы провозглашаем цели, которые невозможны. Мы хотим создать в мире многополярность. Не получится ничего сделать. Мы хотим направиться в направлении против движения всей Европы, как европейская страна мы хотим оторваться и отправиться в другую сторону.

В итоге я хочу сказать, что мы очень внимательно всё прослушали. Вот вы нам очень многое сегодня подсказали вещей. И мы получили дополнительную основу, что решения, которые мы принимаем, наша политика Политического комитета – это правильные решения и соответствуют высказанным взглядам.

Для дальнейшей работы нам больше нужен не пессимизм мысли, а оптимизм воли. Пока ещё можно что-то делать. Ни в коем случае нельзя недооценивать тупиковость этого пути, по которому мы идём, потому что (здесь я полностью согласен с Татьяной Васильевной) третьей попытки не будет, третьего крушения государственности за 100 с лишним лет не будет. Один раз было. Второй раз – на наших глазах. А третий – мы не справимся.

В решении Конституционного Суда 1992 года есть основания для общей оценки того, что происходило в стране, это решение – действующее. Теперь вопрос состоит в том, как развернуть его, как создать специальные рабочие группы по изучению, по формулировке того, что там сказано.

Придёт время – очень не скоро, но придёт – для Учредительного собрания, и будет переосновано российское государство. И в качестве конституционного

акта будет рассмотрена общественно-политическая оценка того, что происходило в России последние 100 лет. Почему я говорю, что не скоро? Потому что я понимаю опасность и ответственность того, что может случиться, если это собрание или конституционную ассамблею собрать завтра.

Предстоит трудное время, опасное время. Есть очень много работы. И благодарю вас очень за участие в нашем разговоре.

Участники панельной дискуссии «Столетие Февральской революции и задача политической модернизации в XXI веке»

АЛЕКСАНДРОВ
Кирилл Михайлович

Кандидат исторических наук, сотрудник Мемориально-просветительского и историко-культурного центра «Белое Дело».

БУДНИЦКИЙ
Олег Витальевич

Доктор исторических наук, профессор, директор Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и её последствий НИУ Высшая школа экономики, член Европейской академии.

БУЛДАКОВ
Владимир Прохорович

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

МАЛИНОВА
Ольга Юрьевна

Доктор философских наук,
главный научный сотрудник Института научной
информации по общественным наукам РАН,
профессор кафедры сравнительной
политологии Московского государственного
института международных отношений,
профессор кафедры НИУ Высшая школа
экономики, почётный президент РАПН.

МЛЕЧИН
Леонид Михайлович

Журналист, международный обозреватель,
телеведущий, писатель.

МОРОЗОВ
Константин Николаевич

Доктор исторических наук,
профессор кафедры истории
Школы актуальных гуманитарных
исследований ИОН Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы.

ПИВОВАРОВ
Юрий Сергеевич

Доктор политических наук, академик РАН, научный руководитель Института научной информации по общественным наукам, профессор Московского государственного университета, Московского государственного института международных отношений и Российского государственного гуманитарного университета.

СЛАБУНОВА
Эмилия Эдгардовна

Председатель партии «Яблоко», кандидат педагогических наук.

СОКОЛОВ
Никита Павлович

Публицист, кандидат исторических наук, заместитель исполнительного директора Президентского фонда Б. Н. Ельцина по научной работе.

ЧЕРНИКОВА
Татьяна Васильевна

Доктор исторических наук,
профессор кафедры всемирной
и отечественной истории Московского
государственного института международных
отношений.

ЯВЛИНСКИЙ
Григорий Алексеевич

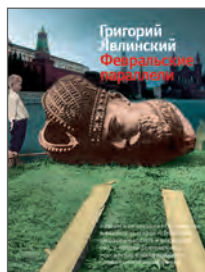
Доктор экономических наук,
профессор факультета экономических наук НИУ
Высшая школа экономики, председатель
Федерального политического комитета,
основатель партии «Яблоко».

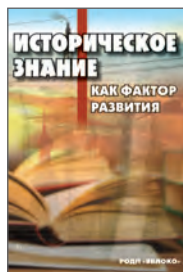
МИХАЛЕВА
Галина Михайловна

редактор, профессор Российского
государственного гуманитарного университета,
доктор политических наук, заместитель
Председателя Московского регионального
отделения, Председатель Гендерной
фракции партии «Яблоко».

Публикации партии «Яблоко» на исторические темы

**Февральские
параллели**
2007

**Историческое
знание
как фактор
развития**
2014

**Ложь
и легитимность.
Двадцать лет
реформ**
2011

**Уроки Великих
реформ**
2011

**Портреты
(С.Ю. Витте, В.Н. Коковцов,
П.А. Столыпин)**
2011

**Реформы
или революция**
2011

**Впечатления.
Статьи 1916-1918 годов**
2010

**Преодоление
сталинизма**
2009

**Международное
общество «Мемориал».
1937-й. Статьи и документы**
2007

**Воспоминания
о войне**
2008

PDF-версии всех этих книг вы можете найти в разделе «Библиотека» на сайте партии «Яблоко» yabloko.ru

- Почему нынешняя власть боится говорить о событиях 1917–1918 гг.?
- Легитимность власти и возможности политической модернизации в 1917–м и настоящее время.
- Февральские параллели: уроки событий 1917 г. и их значение для сегодняшнего дня:
 - специфика политической элиты, сформировавшейся в условиях самодержавия и ее влияние на ход событий 1917 г.;
 - общество накануне революции: от эйфории к «уходу»;
 - разрыв между политическими элитами и массами, проблема политического лидерства;
 - причины срыва политической модернизации и поворота к национальной катастрофе.
- Необходимость внятной государственно-правовой и общественно-политической оценки событий 1917 года и их последствий.
- Перспективы России и Учредительное собрание: восстановление легитимности и исторической преемственности.